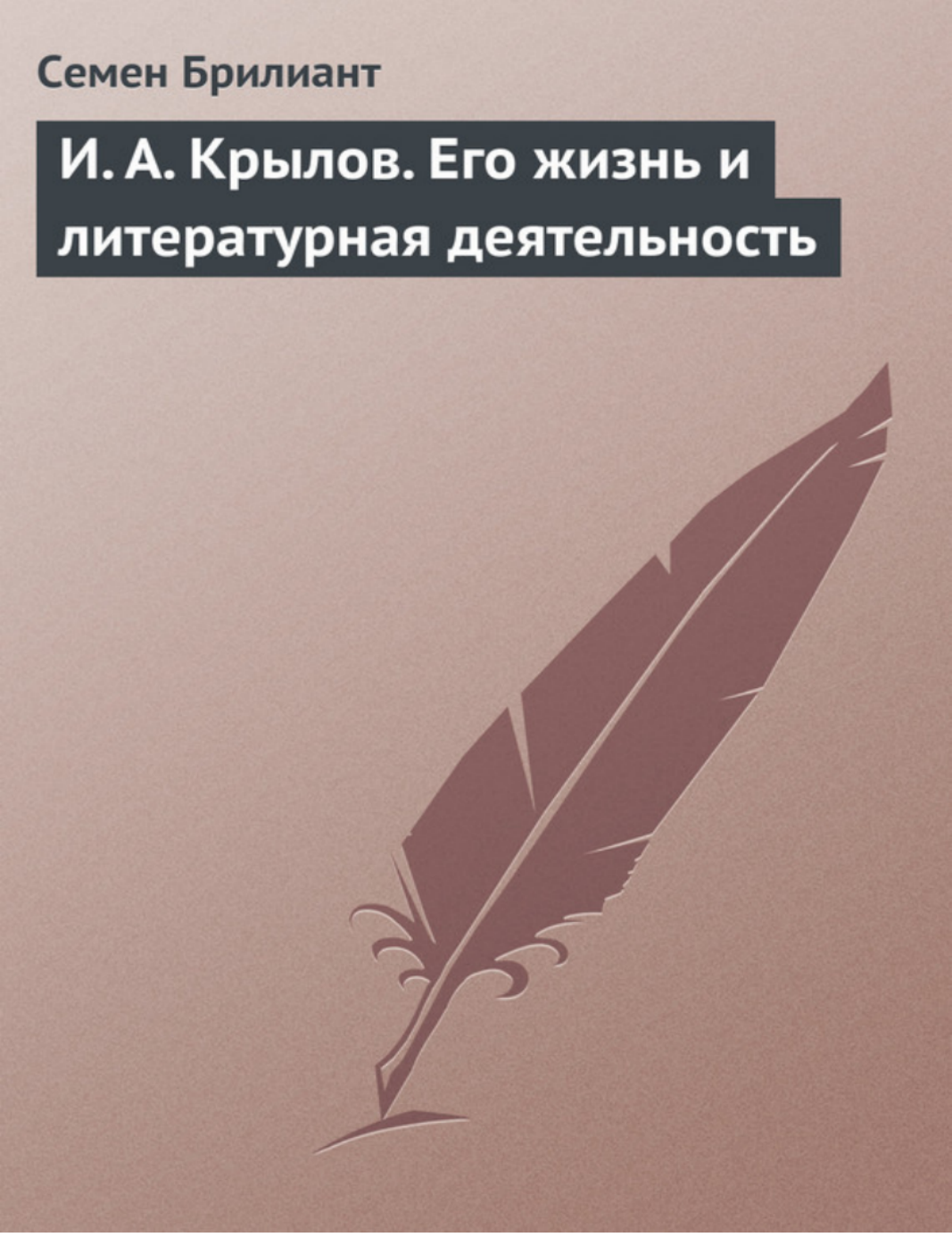
Семен Брилиант

И. А. Крылов. Его жизнь и литературная деятельность



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Крылов не любил вспоминать о своей молодости и детстве. Мудрый старик сознавал, что только в баснях своих переживет он самого себя, своих сверстников и внуков. Он, в самом деле, как бы родился в сорок лет. В периоде полной своей славы он уже пережил своих сверстников, и не от кого было узнавать подробностей его юного возраста. Крылов не интересовался тем, что о нем пишут и говорят, оставлял без внимания присылаемый ему для просмотра собственные его биографии — русские и французские. На одной из них он написал карандашом: „Прочел. Ни поправлять, ни выправлять, ни время, ни охоты нет“. Неохотно отвечал он и на устные расспросы. А нас интересуют, конечно, малейшие подробности его жизни и детства. Последнее интересно еще тем более, что Крылов весь, как по рождению и воспитанию, так и по складу ума и характера, принадлежит прошлому веку. Двадцать пять лет уже истекает с того дня, как вся Россия праздновала столетний юбилей дня рождения славного баснописца. Он родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Знаменитый впоследствии анекдотической ленью, Крылов начал свой жизненный путь среди странствий, трудов и опасностей. Он родился в то время, когда отец его, бедный армейский офицер, стоял со своим драгунским полком в Москве. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохорович двинулся со своим полком на Урал. Ревностный воин, — отец Крылова с необыкновенной энергией отстаивал от Пугачева Яицкий городок…»

- Семен Брилиант
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Источники, послужившие основанием для биографии И. А. Крылова
- notes
  - 1

Семен Брилиант
И. А. Крылов. Его жизнь и литературная деятельность

Глава I
Детство и юность

Равнодушие Крылова к его биографам. — Крылов — представитель прошлого века. — Рождение его. — Отец. — Пугачевщина. — Наследственные черты характера. — Находчивость и хладнокровие. — Опасность в детстве. — Лагерная жизнь. — Тверь. — Служба отца. — Воспитание того времени. — Учение Крылова. — Смерть отца. — Мать. — Юноша-чиновник. — Дом Львова. — Развлечения. — Крепостной быт. — Век Екатерины. — Журналы. — 14-ти-летний автор «Кофейницы». — Переезд в столицу. — Отставка. — Казенная палата.

Крылов не любил вспоминать о своей молодости и детстве. Мудрый старик сознавал, что только в баснях своих переживет он самого себя, своих сверстников и внуков. Он, в самом деле, как бы родился в сорок лет. В периоде полной своей славы он уже пережил своих сверстников, и не от кого было узнавать подробностей его юного возраста. Крылов не интересовался тем, что о нем пишут и говорят, оставлял без внимания присылаемый ему для просмотра собственные его биографии — русские и французские. На одной из них он написал карандашом: «Прочел. Ни поправлять, ни выправлять, ни время, ни охоты нет». Неохотно отвечал он и на устные расспросы. А нас интересуют, конечно, малейшие подробности его жизни и детства. Последнее интересно еще тем более, что Крылов весь, как по рождению и воспитанию, так и по складу ума и характера, принадлежит прошлому веку. Двадцать пять лет уже истекает с того дня, как вся Россия праздновала столетний юбилей дня рождения славного баснописца. Он родился 2-го февраля 1768 года в Москве. Знаменитый впоследствии анекдотической ленью, Крылов начал свой жизненный путь среди странствий, трудов и опасностей. Он родился в то время, когда отец его, бедный армейский офицер, стоял со своим драгунским полком в Москве. Но поднялась пугачевщина, и Андрей Прохорович двинулся со своим полком на Урал. Ревностный воин, — отец Крылова с необыкновенной энергией отстаивал от Пугачева Яицкий городок.

«К счастью», говорить Пушкин в своей «Истории Пугачевского бунта»: «в крепости находился капитан Крылов, человек решительный и благоразумный. Он в первую минуту беспорядка принял начальство над гарнизоном и сделал нужные распоряжения». Наш баснописец наследовал от отца эти качества и нередко проявлял в оригинальной форме как осторожность и благоразумие, так и находчивость или решительность.

Хладнокровие и решительность были, вероятно, причиной успехов его и в карточной игре, которой со страстью предавался

он одно время. Теми же качествами, хотя и не в той оригинальной форме, обладал отец Крылова, а это в борьбе с таким врагом, как Пугачев, было гораздо важнее, чем безрассудная слепая отвага, в которой и у последнего не было недостатка. В самом деле, оборона капитана Крылова привела в такую ярость Пугачева, что он «скрежетал» зубами после неудачного приступа и грозил повесить не только Симонова и Крылова, но и все семейство последнего, находившееся в то время в Оренбурге. «Таким образом», говорит Пушкин, «обречен был смерти и четырехлетний ребенок, впоследствии славный Крылов». Но Пушкин ошибался в возрасте Крылова: ему шел уже в то время седьмой год.

Ужасы того времени должны были оставить неизгладимый след в умном и наблюдательном ребенке. Во всяком случае походная жизнь, семейная обстановка бедного армейского офицера и тесное соприкосновение с военным бытом, с его тревогами, откровенными нравами и сценами то трагического, то комического характера, имели несомненное влияние на образование характера Крылова. Быть может не покидавшая его во всю жизнь страсть к пожарам, благодаря которой ленивый и равнодушный Крылов подымался с постели и делался проворным и торопливым, была именно плодом впечатлений того периода детства. Но что еще важнее, впечатления этого времени имели влияние на его позднейшее отношение к народу, к его бурной силе и порывам.

Конечно, тревожное детство не было хорошей подготовкой к правильному образованию и воспитанию. Правда, вслед за окончанием бунта отец Крылова вышел в отставку и поселился в Твери, где получил место председателя губернского магистрата. Но условия жизни даже губернского города были не таковы, чтобы поправить дело. Ни постоянных пансионов, ни городских школ в то время еще не знали. Народные училища стали возникать только с 1786 года. Современник Крылова, известный поэт и баснописец Дмитриев, сын родового помещика, не жалевшего средств для его образования, обучался однако арифметике у гарнизонного солдата, сержанта Копцева, от которого слышал одни только «непонятные слова»: искомое, делимое и т. д.

Все же, наряду с «обязанностями чинов», Дмитриев в пансионе знакомился с историей и писал письма «по темам». Маленький Крылов лишен был даже такого скудного образования. Учителей русского языка тогда не было, как не было их и позже, даже в начале царствования Александра; взамен того учили французскому языку я мифологии. Не было учителей и для Закона Божия. Сельские священники, происходя из дьячков, знали

только по навыку одну церковную службу, а о катехизисе не имели понятия. Между тем любознательность в обществе росла. Родители Крылова воспитаны были в то время, когда даже самое слово «воспитание» понимали совсем в ином смысле. «Могу сказать», говорила одна барыня, «мы у нашего батюшки хорошо воспитаны: „одного меду невпроед было“». Правда, если не было еще воспитания и правильного учения, то был уже Ломоносов, пример которого действовал, возбудительно на многих, а начало царствования Екатерины II создало обширную литературу, переводную и оригинальную. К счастью отец и мать Крылова понимали и ценили образование. Отец его оставил после себя целый сундук книг, что в то время было большой редкостью и роскошью, особенно при походной жизни бедного армейского офицера.

Председателем губернского магистрата в Твери отец Крылова был недолго, и через три года умер, оставив семью — нашего Крылова, одиннадцатилетнего отрока, с матерью и младшим братом Львом — без всяких средств. Пока отец был жив, он помогал матери в воспитании сына и учил его, чему мог, по крайней мере, русской грамоте. Теперь мать могла лишь давать наставления детям в правилах религии, насколько дозволяло ей время, уходившее на хозяйство и хлопоты о пропитании семьи. Кроме того, юноша учился французскому языку у гувернера-француза в доме помещика Львова, вместе с его детьми. Благодаря почетному положению отца Крылова в городе, ему не трудно было подучить от Львова дозволение сыну приходить на уроки его детей. Это было в то время в общем обыкновении, но часто влияло дурно на характер детей, так как гувернеры не забывали указывать ученикам, на разницу их положения и воспитывали часто спесивость в одних, зависть и лесть в других. Может быть, поэтому Крылов учился неохотно. Мать лаской и разными средствами старалась, однако поощрять его. Крылов сам впоследствии, изменив раз своей обычной сдержанности и молчанию, простодушно ответил г-же Карлгоф на вопрос о том, отличался ли он чем-нибудь в детстве: «я, матушка, был дитя, как и все: играл, резвился, учился не отлично, иногда меня и секали». Но так ли это? Не отличаясь ничем от сверстников, при обстановке — мало удобной для образования и развитая, едва ли мог явиться 14-летний юноша уже автором литературного произведения слабого, но не лишенного интереса и таланта.

* * *

Девяти лет Крылов записан был — конечно, только формально — подканцеляристом в Калязинском магистрате.

Со смертью отца перечислили его с тем же чином в Тверской магистрат на действительную службу.

Одиннадцати лет становится он опорой семьи. Положение безотрадное, но Крылову, можно сказать, было счастье. Заключалось оно в том, что родители его были честные люди. Протянуть всю жизнь военную лямку, потом занять место председателя магистрата и хотя бы в три года службы ничего не оставить семье, для человека способного, каким был отец Крылова, значило в то время быть честным человеком.

В прошении о пенсии па имя государыни вдова писала, что муж оставил ее в нищете, так как, «не имея вотчин», содержал семью одним жалованием. Но вдовьи слезы не дошли до императрицы. Да и наивна была ее просьба. Жалованье в то время гражданским чинам давалось ничтожное, взамен того им предоставлялось «кормиться». «Кормление» заключалось в «благодарности» и взятках. С этим явлением мирилась сама Екатерина, и строгие указы против взяток не тревожили сна Частобраловых и Кривосудовых.

Взамен денег отец Крылова оставил сыну неслыханное в то время при его состоянии наследство — сундук с книгами. Тут были, конечно, и «Свет зримый в лицах», и «Древняя Вивлиофика» Новикова, и его же «Деяния Петра Великого» «с дополнениями» — настольный книги того века и начала нынешнего, а рядом с этим, несомненно, были Жиль-Блаз, Шехеразада, Телемак и быть может Дон-Кихот. Вместе с книгами наследовал Крылов от отца и охоту к чтению. Причиной того, что Крылов неохотно учился, были, конечно, и случайность, отрывочность его скудного учения, и недостаток наглядности, которой требовал его живой, наблюдательный ум. Но охота, можно сказать даже страсть к чтению осталась у него на всю жизнь. Впоследствии, уже славный баснописец, Крылов во время дежурства на службе в Публичной Библиотеке не скучал, подобно своим сослуживцам. В то время как Гнедич во время дежурства нервно ходил по двору и приходившим знакомым молча указывал лишь пальцем на орденский крест на груди, поясняя этим свое нервное состояние, Крылов, взобравшись с ногами на диван, запоем читал глупейшие романы. Подобные романы читал тогда Крылов конечно не из интереса к их содержанию, и часто только при развязке восклицал: «Ахти, да кажется я эту книгу уж читал», и действительно случалось, что читал он ее лишь за несколько дней до того. Конечно, это машинальное чтение необходимо было для того, чтобы удалить на время те образы, что наполняли

наблюдательный ум баснописца. «Надобно дать отдых уму», говаривал он сам. Как бы то ни было, этою страстью к чтению отличался он уже в отрочестве. Наряду с этим работал по-своему и его наблюдательный ум, рано обнаруживая в нем врожденную склонность к карикатуре и сатире. В образованном доме Львова он не мог не познакомиться тогда уже с Лафонтеном и французской сатирой и карикатурой, хотя конечно очень поверхностно, а сатирические журналы Екатерининского века изощрили его наблюдательность и направили ее на современные типы. В этих журналах, раз попали они в его руки, он немедленно должен был узнать черты окружающего быта — так обыденны были типы журнальной сатиры. В то время было принято писать лица с натуры, «с подлинников», как это называли; этим приемом восполнялся недостаток художественного таланта и достигалась обличительная цель. Лица были замаскированы, но так, что их не трудно было узнать. В Твери, как в губернском городе, проживали временно неслужащие дворяне, здесь спускали они оброки на неприхотливые развлечения и модные наряды. Крепостной быт со всем его произволом, диким невежеством, грубыми нравами и суеверием ярко блистал и в городе. По простаковски разделывались дворяне со своими челядинцами. В магистрате устраивались кляузные дела и вымогательства. Крылов, как доказывает его опера «Кофейница»; рано стал относиться к жизни более или менее сознательно. Ему помогали в этом раннее физическое и умственное развитие и сама судьба, поставившая его еще мальчиком в положение кормильца семьи.

Маленький чиновник знал многое, чего другому и не снится еще в его возрасте. Он любил, кроме того, толкаться среди простого народа. Его привлекали зрелища — пожары, кулачные бои; любил он также по целым часам просиживать где-нибудь у портомоен, слушая рассказы простых и крепостных людей. Здесь вероятно почерпнул он из какого-нибудь рассказа и сюжет своей «Кофейницы».

Быть может более, чем думал он сам, был прав тот тверской обыватель, который говорил: «Знаменитый баснописец принадлежит особенно нашей Твери. Здесь он воспитался и провел первые годы юности своей, здесь он начал свое гражданское служение». Прав, если смотреть на Тверь, как на миниатюру России прошлого века. Но особенно радоваться тверскому обывателю здесь нечему. Характер Крылова и многое в его произведениях и во взглядах говорит о потере этого именно возраста для правильного его образования и развития. В тогдашней Твери было много такого, чего Крылову, может быть, не привелось видеть потом, в зрелом возрасте и что воплотилось

в его баснях в образах не совсем чистых животных; в этом смысле тоже прав товарищ его детства.

Сатира века Екатерины осмеивала в особенности нелепые подражания иностранцам: моды, манеры и употребление некстати иностранных слов — все, что совершенно не ладило со строем русского, да еще крепостного быта и в чем многие думали видеть плоды просвещения. Крылову, с его чисто русским умом, насмешливым и метким в остроумной карикатуре, эта война пришлась особенно по душе; впоследствии он даже дошел до чрезмерной крайности в неприязни ко всему иноземному, что красной нитью проходит через все его произведения. Юноша попробовал силы в комедии, подражая в этом отношении самой императрице. Плодом такой пробы пера и явилась комическая опера «Кофейница». Здесь Крылов наметил в карикатуре то, к чему потом вернулся в журнальной сатире и, наконец, в басне, изобразив «ворону в павлиньих перьях». В духе сатиры того времени юноша назвал свою героиню «Новомодова», уже обличая этим наиболее комичную сторону ее характера. Вот образец ее рассуждений:

> Кофейница. (Гадает, глядя на гущу). «Как ваше имя, сударыня?»
>
> Новомодова. «Да разве ты не можешь угадать это на кофе? Да на что ж тебе его и знать? Не по имени ли и по отчеству хочешь ты меня звать?»
>
> Кофейница. «Конечно, сударыня».
>
> Новомодова. «О мадам! Пожалуйста, не делайте этого дурачества, для того что это пахнет русским обычаем и ужасть как не хорошо. Я никогда во Франции не слыхала, чтоб там друг дружку авали по имени и отчеству, а всегда зовут мамзель или мадам, а это только наши русские дураки делают, и это безмерно как дурно».

Поклонница Франции и французского языка, она, однако в совершенстве спрягает глагол «драть» и склоняет «палки».

Опера слаба, но она не слабее опер того времени, принадлежавших более опытным писателям; по крайней мере в ней нет балласта, есть юмор и местами недурные стихи, хотя есть и такие, как «драться я не умею» и т. д. При всех ее недостатках, в ней чувствуется та «свежесть создания, которая всегда отличает ранние, с любовью отделанные произведения пробуждающихся сильных дарований» (Майков).

В то время как юный чиновник и сатирик пробовал свои еще не окрепшие *львиные когти,* мать его решилась отправиться с семьей в Петербург и там искать протекции для сына по службе

или хлопотать о пенсии. В самый год появления «Недоросля», в 1782 году, Крылов с матерью и братом очутились в этой новой столице, в том городе, который уже тогда современники называли «прекрасным».

Крылов получил месячный отпуск. Срок этот скоро истек, но Твери уже не суждено было увидеть своего блудного сына. Только в следующем году тверской магистрат хватился пропавшего подканцеляриста «Крылова» и послал в Петербург требование: «Крылова, яко проживающего засроком, сыскав прислать за присмотром».

Отец Крылова оставил военную службу вероятно вследствие личных неудовольствий, так как при переходе на статскую службу не был награжден даже повышением чина. За него просил сам Потемкин, но ему отвечали, что Крылов уже уволен и награждение его зависит от сената, куда военная комиссия постановила «сообщить». Что сталось с этим сообщением, неизвестно. Быть может, если бы Крылов-отец дожил до старости, его привезли бы с *фельдъегерем* в Петербург и наградили за старую службу, как это сделал император Павел с одним бедовым майором, состарившимся в своей глухой деревеньке.

Не знаем, нужно ли жалеть, что капитан Крылов не дожил до запоздавшего награждения, когда к нему, как и к майору, вполне была бы приложима басня «Белка», написанная позднее его сыном. Белка при отставке получила воз орехов:

«Орехи славные, каких не видел свет;
Все на подбор орех к ореху — чудо,
Одно лишь только худо:
Давно зубов у белки нет».

Однако матери Крылова по-видимому удалось отыскать покровителя, если не в лице самого Потемкина, то кого-нибудь из прежних начальников или сослуживцев мужа, и вслед за грозным приказом о розыске Крылова последовал приказ тверского и новгородского генерал-губернатора графа Брюса, коим подканцелярист Крылов, согласно прошению его, за слабостью здоровья, на основании указа о вольности дворянства — «поелику он из штаб-офицерских детей» — уволен от должности, с награждением *за беспорочную службу* чином канцеляриста. Вслед за тем Крылов поступает на службу в Казенную Палату, с жалованьем 25 рублей в год, и остается навсегда в Петербурге.

Глава II
Первые шаги на литературном поприще

Старый Петербург. — Увлечение Крылова сценой. — Дмитревский в «Семире». — Театр в Эрмитаже. — Сумароков. — Расин и Буало. — «Клеопатра». — Суд Дмитревского. — Новая попытка в ложноклассическом роде: «Филомела» и новая неудача. — Дмитревский. Влияние его на Крылова. — Двор Екатерины. — Комедии Крылова. — Перемена службы. — Смерть матери. — Новые связи и знакомства. — Литераторы и вельможи. — Ссора с Княжниным и Соймоновым. — Мстительность. — Письма Крылова. — «Проказники».

«Старый Петербург» в 1782 году не был красив и грандиозен, как теперь, но все же не даром его называли «прекрасным». Не говоря уже о царственной Неве и каналах, город поражал глаз своею стройностью и свежестью новизны. Здесь было «окно в Европу», и даже сами враги всего, что не Русью пахло, смирялись пред этим новым величием. Правда, на Невском дворцы и каменные здания перемежались еще деревянными домиками и пустырями, но этот недостаток скрадывали огромные сады. Еще недавно Фонтанка была границей города и на ней вырубали леса, «дабы ворам пристанища не было», а теперь здесь красовались дворцы, построенные Растрелли и другими знаменитыми архитекторами, тянулись сады вельмож и т. д. Границы города отодвинулись дальше; он рос как сказочный младенец «не по дням, а по часам». Уже высился во всем своем величии Зимний Дворец. Екатерина закончила его и основала Эрмитаж. Особое и драгоценнейшее достояние Петербурга представлял тот редкий по красоте и величию памятник его основателю, которым и теперь любуемся мы и наши гости.

Мать Крылова поселилась с сыновьями в Измайловском полку. Хотя это было уже в черте города, но все напоминало здесь больше Тверь, чем столицу. И здесь на каждом окне можно было видеть горшок бальзамина, а огороды и домашняя птица составляли подспорье в хозяйстве обитателей. Одним годовым жалованьем сына в 25 рублей жить было нельзя, даже при баснословной дешевизне того времени. Первое время Крылова занимала новая обстановка. Но не город и не служба были главным предметом его внимания. Его влекла литература. Крылов понес свою «Кофейницу» к известному тогда в Петербурге типографу книжному торговцу и любителю музыки — Брейткопфу. Думал ли последний что-нибудь сделать из этой онеры, или хотел только поддержать смелого юношу, в котором

заметил если не талант, то по крайней мере ум и уверенность, только он купил у Крылова «Кофейницу» за 60 рублей. Такой успех конечно возвысил Крылова в его собственных глазах и доставил ему уважение и почетное место в среде сослуживцев. Театр был в это время единственным источником, удовлетворявшим эстетическим потребностям, пробуждавшимся в обществе; но за то он имел таких горячить любителей, таких страстных поклонников, каких не знает уже наше время. Ничто так не сближало людей, как страсть к театру, к сцене. В канцеляриях чиновники в то время не были обременены работой и могли свободно вести разговоры, иногда даже горячие споры о достоинстве пьесы и артистов; каждый актер и актриса имели свою партию. Первыми знакомствами Крылов был обязан своему имени автора театральной пьесы. Знакомства завязывались не только в канцелярии, но и в театре. Вольного театра еще не существовало, но зато был не труден доступ в придворный театр в Эрмитаже.

«Екатерина хотела по два раза в неделю доставлять своим подданным счастье видеть ее и наслаждаться плодами ума, таланта и изящного вкуса». Места в ложах и партере назначены были по чинам, в райке же дозволялось быть зрителям всякого состояния. Здесь Крылов в первый раз увидел Дмитревского в «Семире» и Сандуновых в опере «Cosa rara» (Редкая вещь). Семира была венцом славы Сумарокова, который особенно в Петербурге «утвердил вкус публики надолго». Это не могло не иметь влияния на развитие и направление таланта Крылова. Театр не только удовлетворял потребности в развлечении, но служил чуть ли не единственным источником и эстетического развития.

В райке театра знатоки и любители имели уже свои условленные места. Суждения и споры, начатые здесь, продолжались на другой день в канцеляриях. Крылов, хотя он уже в свои 15–16 лет не легко поддавался чужому влиянию, — не устоял против влияния театра и чтения.

Вместо денег за свою «Кофейницу» взял он у Брейткопфа книги, а именно Расина, Мольера и Буало. С этой минуты слава «русского Расина» — Сумарокова и лавры Княжнина не давали юноше спать. Но у Расина были талант и знание, у Сумарокова тоже была частица таланта, у Крылова же и других подражателей не было ни драматического таланта, ни образования, ни развитого вкуса. В монологах Сумарокова слышались идеи Вольтера и проводились понятия великого, блестящего и разнообразного XVIII века. У Крылова конечно не могло быть и тени чего-нибудь подобного. Темь не менее он принялся и написал «Клеопатру».

Кончив пьесу, понес он ее к знаменитому тогда актеру Дмитревскому. Последний жил на Гагаринской набережной, но Крылову вообразилось, что у Дмитревского, который принял его ласково и оставил пьесу у себя, не будет теперь никакого дела, кроме чтения его трагедии, и он из Измайловского полка стал ежедневно «наведываться о судьбе своего детища». Наконец Дмитревский принял его и стал читать трагедию с ним вместе. «Добродушно и охотно слушал умный, тактичный старик, разбирал содержание, делал свои замечания осторожно, но веско; хвалил, что было можно, поощряя к труду, но не пропустив без замечания ни одного явления, ни одного даже стиха, ясно показал, отчего действие незанимательно, явления скучны, язык разговоров не соответствует предметам, словом, что трагедия никуда не годится и легче написать новую, чем исправить старое». Крылов понял и уничтожил Клеопатру. Взамен ее написал он «Филомелу», взяв сюжетом мифологическое предание древней Греции. Мифология была тогда неизбежной приправой ко всякому знанию или, вернее сказать, ко всякому невежеству. Крылов успел с нею познакомиться по принятым руководствам, но наука сводилась к знанию лишь имен мифических существ и героев, без малейшего понятия о духе древнего мира. Это отразилось конечно и на «Филомеле».

«Я люблю только ужасное — таков мой вкус», говорит автор одной пьесы в романе «Жиль-Блаз»: «Я согласен с Аристотелем: надо возбуждать ужас». «Это один из тех трагических сюжетов, которые волнуют душу образами смерти. Ах, если бы я писал для театра! я никого бы не выставлял на сцену, кроме кровожадных принцев, кроме свирепых героев, я бы в моих трагедиях губил не только главных лиц, но даже стражу. Всех бы убивал до суфлера». Таков был общий вкус того времени, и Плавильщиков вызывал восторг образованной публики тем, что был похож на «рыкающего льва». «Филомела» дошла до нас. Герой ее, согласно характеру Крылова, очень добродушно рассуждает об ужасных страстях. «Я имя на себя злодея возлагаю», говорит Терей: «а став злодеем, я весь свет пренебрегаю».

Действующие лица — манекены в греческих тогах. «Все условия, необходимые по тогдашнему времени в трагедии соблюдены строго. В ней пять действий, Александрийские рифмованные стихи, возвышенный язык, т. е. смесь русского и церковнославянского, при героях — наперсники, превышающие их догадливостью в крайних случаях; страсти — благородные, свойственные лицам идеальным, злодеяния выступают за пределы человеческих, сил, словом все, чему полагалось непременно быть, кроме художественной истины и жизни, с ее

красками страны и народности».

Три года спустя Крылов сам еще злее осмеял подобные пьесы и их авторов.

Дмитревский забраковал Филомелу. Но эта строгая оценка его произведений не оттолкнула умного юноши от опытного актера. Напротив, он видел в нем своего руководителя и друга. Да, несмотря на разницу лет — Дмитревский был 32 годами старше Крылова — их отношения становились все теснее и перешли в дружбу. Конечно, это говорит в пользу ума и развития Крылова, но надо помнить также и необыкновенный такт Дмитревского. Притом образование и европейское просвещение не стерло с его характера национальных красок и не уничтожило в нем привычек чисто русского человека. Таким образом, в характере его и Крылова было много общего.

Но при блестящем дворе Екатерины, умевшей соединять простоту и величие, образовал он свой характер и манеры так, что больше походил на царедворца, чем на актера. Сам грозный Павел сказал ему раз, смеясь его находчивому ответу: «ну, ты известный куртизан матушкина двора». Крылов нашел у него таким образом школу не только для своего таланта, но и для характера и житейского воспитания, чего не могла ему дать ни домашняя среда, ни приказная. И он сумел воспользоваться этими уроками, хотя и не сразу. Крылов, мнением которого все дорожили, когда он успел развить в себе тонкий вкус и понимание, всегда или хвалил, или молчал, как бы со всем соглашаясь, или тонко улыбался, не давая заметить, кому не следовало, этой улыбки или предоставляя каждому толковать ее в свою пользу. Некто из писателей напечатал в предисловии к плохому, везде забракованному сочинению похвалы, слышанные им от Ив. Андр. «Вот вам конфетка за неосторожность вашу», сказал ему Гнедич, но Ив. Андр. продолжал следовать своей системе. Известный в молодости своим острым языком, шутками и эпиграммами, Крылов-баснописец ушел однажды вдруг среди одного литературного обеда под предлогом нездоровья. Приятель его, Лобанов, догадался, что причиной были эпиграммы против некоторых лиц. Ив. Андр. действительно сознался, что так. Хотя на него уже никто не мог подумать, но «все-таки лучше дальше от зла», говорил он. «Ведь могут подумать: он там был, стало быть делит их образ мыслей».

Так осторожен сталь Крылов, умудренный долгим опытом, с трудом лишь в зрелом возрасте добившись покоя, который он так высоко ценил, который так нужен был в самом деле славному баснописцу для его мудрой творческой работы.

* * *

Вернемся к его первым шагам на литературном пути.

Он как бы очнулся теперь от долгого сна. Петербург с его европейскими зданиями, порядками и образом жизни заставил Крылова забыть на время вражду к иноземцам.

В самом деле, в Петербурге, не только сравнительно с Тверью, но даже с Москвой, жизнь была проще. Не так силен был контраст нелепой старины и не менее нелепых, ложных внешних подражаний. Контраст значительно сглаживался, особенно благодаря влиянию самой императрицы, соединявшей вокруг себя все лучшее, что только выражало собою образование и вкус, любезность и простоту. Вместе с темь привычки, развлечения, интересы и правила общежития столичного населения заимствовали свой свет от неё. Екатерина II действовала не только как царица, но и как женщина обаянием своего такта, ума и любезности. Очень возможно, что Крылову уже в первое время пребывания в Петербурге случалось видеть близко этот круг. Есть указания на то, что позднее, во время своей журнальной деятельности, он бывал на собраниях в Эрмитаже, но Лобанов говорить, что Бецкий читал и одобрил его первую басню, написанную на 14-м году. Даровитый юноша рано обратил на себя внимание и может быть тогда же, как интересный самородок, показан был императрице и двору.

Неудача «Филомелы» отклонила его от ложной дороги. Он вернулся снова к опере и комедии. Вместе с тем воротился он к осмеянию нелепых заимствований, страсти к модам и нарядам. Здесь, казалось, вступал он на свой истинный путь сатиры или по крайней мере карикатуры, но ему пришлось еще долго блуждать в искании пути. Он не был рожден писателем-драматургом. Умный и наблюдательный, Крылов не способен был сливаться с другим лицом в одно целое и ни минуты не мог жить сердцем ни с кем из своих героев. В его трагедиях герои рассуждают в момент самых сильных увлечений, а действующие лица комедий подобны марионеткам. Совершенно другим является Крылов, когда он, извлекая отдельные черты, дает им живые образы, создавая таким образом типы более или менее карикатурные и в то же, время живые, как сама действительность. Вслед за Филомелой в том же году явились две его комедии: «Бешеная семья» (комическая опера) и «Сочинитель в прихожей».

Театральную дирекцию заваливали пьесами. Многие любители пробовали писать с единственною целью добиться бесплатного постоянного билета в партер. Вход стоил медный рубль, и молодые люди нередко недоедали и недопивали,

сберегая для театра последнее гроши.

Крылову как будто повезло для начала в этом роде. Директором русской труппы был в это время Павел Александрович Соймонов, генерал-майор, служивший в Кабинете Её Величества, человек умный, получивший образование в Московском университете. Он обратил внимание на Крылова, принял его оперу «Бешеная семья» и поручил придворному композитору Деви положить ее на музыку. Крылову был выдан постоянный билет в театр и заказан перевод оперы: «Инфанты» (L'infante di Zamora).

В Соймонове Крылов нашел в первый раз снисходительного покровителя и благодаря ему перешел на службу в Кабинет Её Величества под непосредственное начальство Соймонова. Для матери Крылова последнее было конечно гораздо радостнее, чем его литературный успех. Она скоро умерла и для неё в последний час её трудной жизни было утешением видеть сына на хорошей служебной дороге. Крылов горячо любил мать, и конечно её радость была для него приятнее чем самая удача, так как он службу скоро бросил и даже в более зрелом возрасте не дорожил ею. В Кабинете Её Величества чиновники также более занимались спорами «о троянской войне» и театре, чем бумагами. Крылов продолжал писать и переводить. Хотя его «Кофейнице» не удалось увидать сцены, а «Бешеная семья» еще долго оставалась в забвении, тем не менее он имел уже литературное имя, отчасти благодаря этим вещам и переводам или переделкам, отчасти благодаря некоторым стихотворным мелочам, в особенности эпиграммам, которые тогда быстро распространялись. Насмешливый ум и острый язык, наконец самая внешность его обращали уже на себя внимание. Юноша 18, 19 лет, Крылов, говорят, был в это время худощав, но высокого роста, с большой головой и спутанными прядями волос, падавшими на открытый, умный лоб, выкупавши некрасивые, крупные черты его лица. Подсмеивался он над всем и над всеми, не исключая и самого себя. Страсть к карикатуре проникала его так, что он везде умел подметить какую-нибудь смешную, комичную черту. Из знакомств по службе в Казенной палате сохранил он близкие отношения с Радищевым и Перепечиным, известным любителем театра, угадавшим талант знаменитого потом актера Яковлева, когда последний был еще сидельцем в лавке гостиного двора. Теперь круг знакомств Крылова значительно расширился. Он стал бывать и в кругу литературном и у вельмож-меценатов. Среди последних были искренние любители литературы, но были и такие, что вешали портреты писателей на стенах, но с неособенным почтением относились к живым. Их осмеял впоследствии Крылов

в своей сатире. Впрочем сознание собственного достоинства, сознание личности не было еще развито, и равенство отношений между бедным сочинителем и вельможей было немыслимо. Крылов сам впоследствии рассказывал анекдот о бедном сочинителе, повадившемся ходить к вельможе, у которого за обеденный стол садилось от 30 до 40 человек, «званых и незваных». Сочинитель садился на конце стола, и его часто обносили блюдами слуги. Однажды ему особенно не посчастливилось, он встал почти голодный. Случайно после стола вельможа проходил мимо него и ласково спросил: «доволен ли ты?» «Доволен, ваше сиятельство, отвечал он: все видно было». Кто знает, не был ли этот сочинитель-«инкогнито» сам Крылов. В молодости ему часто приходилось не доедать и, при его аппетите, это было очень возможно. Притом современник его, Вигель, познакомившийся с ним позже в имении князя Голицына, рисует его в этом отношении не слишком щепетильным. Он с удовольствием вспоминает о занятиях Крылова с ним и сыновьями Голицына русским языком, но сохранил неприязнь к Крылову за то, что последний указывал ему разницу в рождении его и сыновей князя, хотя в то же время другим детям указывал на преимущество общественного положения семьи самого Вигеля. Этому можно верить. Крылов был самолюбив, но таково было и его собственное воспитание в доме Львова, и понятия общества. Но если Крылов мирился таким образом с преимуществами «высших», то не мог позволить равным оскорблять его самолюбие. В подобных случаях он был мстителен и злопамятен. Вспышка мести повела его однажды далеко, при чем много помогла ему природная страсть к осмеянию и карикатуре.

* * *

Эпизод, в котором выказал он эту мстительность, ярко рисует его характер в молодости, его настойчивость и самоуверенность. В основании эпизода лежит отчасти недостаток воспитания, образования и развития вкуса молодого Крылова, но вместе с тем и нравы общества, положение писателя и чинопочитание, даже в литературном кругу, между собратьями по перу. Неряшливый и беспечный по природе, Крылов не особенно тяготился своим костюмом и всем тем, что обличало его скудные средства, но бедность все же делала его щекотливым в некоторых случаях. В одном доме встретился он с женой Княжнина, занимавшего тогда известное положение в обществе, как по своему таланту, так быть может еще больше по своим чинам, которыми жаловала его

императрица. Жена его была женщина неглупая, но бестактная — довольно сказать, что она была дочь знаменитого бестактностью, не менее чем талантом, Сумарокова. Крылов в это время занимался переводами для театра. «Что вы получили», спросила у него эта барыня: «за ваши переводы?» — «Мне дали свободный вход в партер». — «Сколько же раз вы пользовались этим правом?» — «Да раз пять», отвечал Крылов. «Дешево же! Нашелся писатель за пять рублей!»

Может быть насмешка относилась больше к дирекции и положению вещей вообще. Во всяком случае тому, кто обладал уверенностью в себе, в своей силе, незачем было придавать большое значение подобной выходке. Наконец Крылов мог отомстить шуткой или эпиграммой. Но общественное положение обидчицы, оскорбленное самолюбие человека, сознающего, что общество будет на стороне обидчика только потому, что тот силен чинами и богатством, вызвало злую и упорную месть Крылова. Он не ответил ничего на оскорбление, но тем хуже было для Княжнина и его супруги. Оба эти лица выставил он на сцену в комедии «Проказники», которая впрочем на театральные подмостки тоже попала не скоро. Княжнину дал он имя Рифмокрада, а жену его окрестил пикантным прозвищем Тараторы! Рифмокрад — бездарный стихотворец, воображающей себя великим писателем, потому что он сочиняет трагедии, бесцеремонно наполняя их заимствованиями. Он под башмаком у своей жены, которая впрочем очень высокого мнения о его таланте. Таратора — женщина уже не молодая, но еще желает прельщать своей красотой и т. д. В журнале «Почта Духов», где Крылов продолжал свое мщение, есть между прочим сказка, начинающаяся так:

Ко славе множество имеем мы путей:
Гомер хвалить себя умел весь свет заставить.
А Рифмокрад, чтобы верней себя прославить,
Нажил себе жену, а женушка — детей,
Которы в зрелищах и кстати и некстати
В ладоши хлопая, кричат согласно *тяте.*

Комедия так же неудачна, как и прочие произведения его в этом роде. Только лица ближе к жизни по той причине, что списаны с натуры. Впрочем Соймонов не заметил греха, когда Крылов показал ему комедию, и разрешил ему ее напечатать. Но прежде чем Крылов мог привести это в исполнение, содержание комедии стало известно в городе и дошло до Княжнина. Последний заподозрил и Дмитревского в соучастии или в том, по

крайней мере, что он, просматривавши все сочинения Крылова, наверно знал об этом и не удержал его. Дмитревский, как тонкий политик, не желая вмешивать себя в это дело, показал письмо Крылову. Тогда Крылов, как бы пользуясь случаем лично обратиться к Княжнину — он не был с ним знаком — и ужалить его больнее, пишет к нему оправдательное письмо, наполненное ядом иронии, под видом невинности и наивности. Он удивляется, что Княжнин, сам комик, вооружается против комедии на пороки и «в толпе развращённых людей» находить сходство со своим домом. Он рассказывает сам содержание своей комедии. Говорить, что в муже выводит он «парнасского шалуна», крадущего лоскутки из французских и итальянских авторов (черта, в которой Княжнин не мог не узнать себя), приводящего в восхищение дураков и «обижающего честных людей» — намек на подозрение его, Крылова, в пасквиле и Дмитревского в соучастии. «Признаюсь», говорит он, «что сей характер учтивого гордеца и бездельника, не предвидя вашего гнева, старался я рисовать столько, сколько дозволяло мне слабое мое перо». (!) Дальше описывает он свою Таратору, опять-таки прямо рисуя известные черты жены Княжнина, и с колкой *наивностью* прибавляет: «вы видите, есть ли хотя одна черта, схожая с вашим домом».

Он готов даже уничтожить комедию и написать другую, «но границы, полагаемые вами писателю», говорить он, «так тесны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогневя вас или вашей супруги: так простите мне, что я не могу в оные себя заключить».

Наконец Крылов предлагает Княжнину «выписать те гнусные пороки, которые ему или супруге его кажутся личностью» и сообщить ему, Крылову; тогда он постарается их смягчить или уничтожить. Но не довольствуясь этой довольно грубой иронией, Крылов впадает в еще более пошлый тон: «поверьте», говорить он, что вас обидел не я, описывая негодный дом, который от трактира только разнится тем, что на нем нет вывески (!), но обидели те, кои сказали, что это картина вашего дома. Причина такой злости, запальчивости ярко сказывается однако в заключительных словах письма: «Впрочем напоминаю вам, что я благородный человек, *хотя и не был столь много раз жалован чинами,* как вы, милостивый государь».

* * *

Комедия «Проказники» написана в 1788 году. В марте следующего 1789 года Соймонов снова вступил в управление театрами, которое временно было оставил. Отношение его к

Крылову теперь несколько переменилось, и он прямо дал понять последнему, что не доволен его сатирой на лица. Все же до следующего года Крылов оставался на службе, хотя, возмущенный и оскорбленный отказом и нежеланием Соймонова поставить принятую уже давно от него комедию «Бешеная семья», написал и ему запальчивое письмо.

Письмом этим, раньше чем басней, Крылов доказал, что «мстить сильно иногда бессильные враги». Письмо грубо и дерзко, но нельзя отказать ему в уме и в тонкой иронии. Он знает больное место человека. Как директор театра, меценат и любитель, Соймонов конечно верил в свой вкус и уменье оценить и выбрать пьесу. Крылов пишет ему, что даже о собственной комедии не может быть дурного мнения только для того, чтобы не опорочить разум, выбор и вкус Соймонова, который ее принял, и не заставить этим других думать, что вкусу директора театра могут быть приятны негодные сочинения! «По той же причине», прибавляет Крылов, «старался он защищать совершенство „Инфанты“, которую Соймонов поручил ему перевести, но ни один умный человек ему не верить». Он уверяет, что публика бранит многие пьесы и просыпается только «от музыки в антрактах», но он не хочет называть эти пьесы, не желая «опорочивать тонкий вкус директора». Если играют «столько скучных вещей», то почему не сыграть его «бедную оперу», «и неужели, ваше превосходительство», прибавляет он, «сия опера — самая негодная из всего вашего выбора?»

Этим больным местом он пользуется широко и язвит и жалит Соймонова на все лады, все «не желая опорочивать его тонкий вкус». Он просить выдать ему деньги за перевод «Инфанты», над которым он работал только по приказанию Соймонова, так как «сам никогда бы не осмелился выбрать для перевода оперу, в которой нет ни здравого смысла, ни хорошего слога, ни правил», и т. д. Хитрый юноша отлично понимает, как горьки эти пилюли для Соймонова, хотя бы и от маленького человека, бывшего однако в то время уже не безызвестным, но как бы вовсе этого не думая, в изысканных выражениях заявляет, что имеет намерение «припечатать» это письмо при своих произведениях, которые хочет отдать на суд публики.

С поразительной самоуверенностью говорит он при этом, что некоторым образом должен дать публике отчета, почему его «творения» не приняты на театре. Но в сущности все его комедии, включая и «Бешеную семью», всего меньше заслуживали подобного названия. Действующие лица в этих «творениях» таковы, что «не можешь надивиться, откуда эти люди зашли на сцену. Все, что ни говорят они, что ни делают, о чем ни шумят, за

что ни сердятся, так чуждо общественной жизни и условий света, что театр привыкнешь почитать неведомой планетой, куда волшебник-сочинитель забрасывает нас для изучения диковинок». Кроме того они носят печать того же грубого и пошлого тона, как и письма, что можно объяснить конечно одним только «низменным умственным и нравственным уровнем той среды, где протекала обыденная жизнь автора» (Майков).

В письме к Соймонову он указывает еще на то, что Казасий — итальянец, служившей при театре — стал делать ему затруднения относительно входа по бесплатному билету и посылает его в низшие места. И здесь находит он случай уколоть Соймонова, говоря, что конечно нет причины обвинять его, Крылова, в нарушении порядка.

«Правда», говорить он, «я нередко смеюсь в трагедии и зеваю в комедии», но в этом виноваты глупые пьесы, и притом он «так счастлив, что часто публика его в том поддерживает».

* * *

Из всех драматических произведений Крылова остается для нас самою интересною «Кофейница», которая напечатана была в первый раз по случаю столетнего юбилея дня рождения Крылова. Она интересна как раннее произведение — проба пера, как зачаток его таланта, как первый узелок красной нити его сатиры.

На пути образования своего таланта Крылов был не раз *около* своего настоящего призвания — призванья баснописца. Несомненно, что некоторые басни, напечатанные без подписи в журнале «Утренние часы», принадлежать его перу. Таким образом с детства ищет он эту форму, как отыскивают предмет под звуки музыки; то приближаясь к ней, то удаляясь, постоянно прислушиваясь к этому призванию, требующему тонкой отделки, установившегося характера и зрелого опыта, он медленно подвигается к цели. Самые неудачи дают ему случай упражнять силу воли и вырабатывать характер. Достоинство писателя ставит он все выше и выше. В письме к Соймонову это сознание и смелость выкупают даже грубость тона. Жалуясь на то, что его посылают на низшие места, он говорит с справедливым негодованием и горькой иронией бедняка-сочинителя, которым могут еще помыкать: «автор, которому дается вход в театр в рублевые места, может ожидать, что вы со временем пересадите его в полтинные, потом в четвертные, *а потом и подле дверей у входа поставить его изволите!»*

Глава III
Крылов журналист. — Период бездействия

Крылов — сын века Екатерины. — Цельность натуры и сила убеждения. — «Почта Духов». — Влияние Рахманинова. — Стремление Крылова к отделке в изложении. — Рифмокрад и Таратора. — «Вадим». — Карамзин. — Журналы: «Зритель», «СПБ Меркурий». — Отношение Крылова к Карамзину. — Конец журнальной деятельности. — Закрытие типографии. — Анюта. — Неудача в любви. — Борьба чувства и воли. — «Чин человека». — «Порывы и бездействие». — Кочевая жизнь и село Казацкое.

«Гений и улыбка Екатерины II творили чудеса, и перемены во всей России шли гораздо быстрее, чем при Петре Великом». В самом деле перемены, которые вносил в русскую жизнь Петр, держались только его сильной волей. Внутренняя неурядица продолжалась еще и при Екатерине, доказательством чего явилась пугачевщина.

Как знаменитый «Наказ» был выражением прекрасных и благородных стремлений лишь на бумаге, так в нравах и обычаях под красивыми нарядами, манерами и речами, взятыми на прокат у французов, царили по старому невежество и произвол. Большинство россиян, даже побывав за границей, возвращались оттуда «свинья свиньей», как говорит в своей басне Крылов.

Но Петр Великий «прорубил окно в Европу» и по новому пути стали являться гости к Екатерине. Ее окружали философы и поэты. Своим умом и тактом она влияла, сколько могла, на окружающее ее общество, а проводником новых понятий в остальную массу явилась литература. В числе орудий гениального работника между топором и сохой, которая так глубоко врезалась в целину русского чернозема, что и до сих пор еще пашет, была и книга. Но она служила тем же практическим целям. Петру нужны были работники и мастера. Гениальный поэт-ученый, сподвижник Петра, писал о пользе стекла, но Державин был уже «певцом Фелицы», а Фонвизин начал «чистить нравы». Писатели стали воевать «со страстьми и заблужденьем». Сама императрица подавала пример своими сатирическими комедиями, журнальными статьями, нравоучительными сказками и наставлениями о воспитании детей. Казалось, что хорошим воспитанием можно все исправить. И Крылов, как сын Екатерининского века, остался навсегда того убеждения, что все дело в нравах, а не в учреждениях, не в общем строе. В этом была ошибка, наложившая особую печать на все произведения Крылова. Его взгляды на современные явления родины и Европы

были часто ошибочны, но сила убеждения была так велика и выразилась у него так ярко, что сохраняет свою цену до сих пор, представляя нам уроки трезвого ума, житейской мудрости и знания человека, независимо от эпохи.

Сочинения Екатерины играли ту же роль в литературе минувшего века, какую ботик Петра Великого в создании русского флота. За нею вслед явились Новиков, Фонвизин и др. Журнальная сатира уже сделала свое дело и отцвела, когда явился Крылов и снова поднял старое знамя.

В 1789 году стал выходить в Петербурге журнал «Почта Духов». Кто был его издателем — сам ли Крылов или Радищев, или Рахманинов неизвестно, но Крылов принимал в нем значительное участие. Нелепые заимствования у французов, утрата старых хороших нравов, разорительные моды, пустота и волокитство, а главное иноземное воспитание и вредные, по мнению Крылова, учения составляют главный предмет его статей; эти же темы переходят потом и в басни. Двадцатилетий юноша Крылов выказал здесь ум, устойчивость, твердое убеждение, даже смелость в бичевании знатных и сильных, недостойных своего сана, но не обладал образованием настолько, чтобы понять настоящие причины бедствий народа, найти корни зла, таившиеся в крепостном строе русской жизни. Там, где он становится смелее и основательнее, заметно влияние более образованного Рахманинова, одного из тех страстных поклонников Вольтера, у которых «глаза наливались кровью», когда кто-нибудь не признавал мнений этого гениального философа единственным законом; но натура Крылова упорно не поддавалась никакому влиянию, особенно в духе Вольтера, к которому он. с его патриархальным складом ума и характера, чувствовал инстинктивную неприязнь. От влияния Рахманинова поэтому он скоро освободился, но во время участия в «Почте Духов» Рахманинов по собственному сознанию Крылова «давал ему материалы».

Принимал ли участие Радищев в журнале пером или хотя бы даже только деньгами в издании, которое не могло окупить расходов при 80 подписчиках, во всяком случае присутствие его заметно в некоторых обличениях, например в нападках на царедворцев. Когда судили его за книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», Екатерина написала на деле, что Радищев *завидует*[1] приближенным ко двору!

Журнал выходил под названием «Почта Духов», или «ученая, нравственная и критическая переписка, арабского философа Маликульмулька с водяными, воздушными и подземными духами». Так окрестил его Крылов, настояв на этом в споре с

Рахманиновым.

Младший член и сотрудник, не вносившей никакой материальной поддержки, он был очевидно настолько необходим для успеха дела, что сам Рахманинов, известный своим упрямством — хозяин типографии и быть может самого журнала — уступил молодому человеку. Крылов вполне оправдал ожидания, хотя публика не оценила достоинства журнала. Сатирическое дарование его развернулось с большим успехом в новой форме. Он не умел оживить драматического действия — этому мешала сухость в собственном его отношении к действующим лицам, но в карикатурные свои изображения и сатирические портреты он внес движение, чем и отличается его сатира от сатиры тех старых журналов, которые «Почта Духов» напоминала своим названием, как то «Адская Почта» и др., где находим одно лишь резонерство. Конечно здесь нет жизни, но есть движение. Изображаемые лица — марионетки, которые рассуждают и движутся по воле автора. Ясно заметно, как эта повествовательная форма служит Крылову мостом к его басне.

Кто бы ни были эти духи: Зоры, Вестодавы и Дальновиды, ведущие между собой переписку, Крылов чувствует себя в их среде прекрасно.

Характеры их различны, но цель одна, и друг другу они не мешают. Работая с ними, Крылов вместе с тем учился и развивался. Не только сотрудники, более образованные чем он, помогали ему своим влиянием, но сам он изощрял наблюдательность и вкус, много читал и в особенности думал. В это время успел он значительно развить свой вкус и продолжал работать в том же направлении. Он вскоре стал одним из самых тонких знатоков и ценителей искусства, особенно благодаря своему тонкому остроумию и оригинальному, трезвому и меткому уму. Уже в письмах гномов Крылов проявляет стремление к тонкой отделке в изложении. Его «письма», по прекрасному определению г. Майкова, «напоминают собою новеллы, в которых не только описаны нравы общества, но и очерчены характеры лиц, рассказаны их похождения, и все это скрашено тонким юмором, все вызывает тот светлый смех, о высоком нравственном значении которого говорит Гоголь».

Уже комедия «Проказники» была удачнее других, потому что лица списаны были с живых «подлинников»; тоже самое отчасти находим и в его журнальных статьях. Здесь, между прочим, встречаемся мы опять с Рифмокрадом и Тараторой, которым неумолимый Крылов не дает пощады. Он не становится из Ахиллеса «Омиром», как комар в его басне, даже и теперь, когда Княжнин и без того в опале за свою трагедию «Вадим».

Теперь, в 1789 году, Екатерина отнеслась к невинному «Вадиму» Княжнина уже не с той ясностью взгляда и терпимостью, какие она выказывала в былое время. Это был год французской революции. Екатерина изменила отношение ко всяким заимствованиям у французов и подражании им даже в модах. Когда, после революции, вошли в моду у нас жабо выше подбородка, стриженные головы a la Titus, a la guillotine, лорнеты и коротенькие косы flambeau d'amour, Екатерине подобное франтовство очень не понравилось. Она приказала одеть в этот наряд всех будочников и дать им в руки лорнеты. Франты после того быстро исчезли. С этих пор неприязнь к подражанию французам все росла. Император Павел, по вступлении своем на престол, приказал выпустить на улицы двести солдат с известной инструкцией, и многие вернулись в этот день домой с разорванными на них французскими жилетами и помятыми шляпами, а иногда и без оных. Хотя даже и в мерах, вызванных подобным неудовольствием, императрица проявляла некоторый такт, все же известная журнальная сатира в этом духе становилась излишней с той минуты, как «со страстьми и заблужденьем» уже были не «одни писатели в войне».

Журнал выходил всего с января по август. Неизвестно, почему прекратился он раньше срока. Виною могли быть недостаток средств и малое число подписчиков, но могли быть и внешние препятствия, так как в это время уже судили Радищева за его книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Каковы бы ни были причины прекращения «Почты Духов», Крылов подметил сам, что она не удовлетворяла нарождавшимся потребностям, которым должен был служить журнал в то время. В обществе росло стремление к сближению с Европой, и счастливым соперником Крылова на журнальной ниве явился вскоре Карамзин. В самый год издания «Почты Духов» 23-х летний юноша Карамзин отправился в свое путешествие по Европе, плодом которого явились его знаменитые «Письма». Успех этих последних показывал, что от общественного писателя требовалось нечто новое. Эта роль не годилась для Крылова, для этого ему недоставало качества, которым обладал Карамзин, помимо своего европейского образования и таланта, — это качество было — настроение.

Настроение Карамзина было сантиментальное. Оно было чуждо трезвому уму Крылова, но отвечало настроению общества, в котором нашло отзвук чувство гуманности, сознание личности, сочувствие угнетенным рабам. Гнет крепостного права начинал становиться невыносимым.

Возвратившись из-за границы, Карамзин стал издавать в

1791 г. «Московский журнал», имевший большой успех. Образованный и впечатлительный, Карамзин привез из-за границы запас наблюдений и личных знакомств с корифеями литературы, философии и поэзии. Имена Шекспира, Шиллера и Гете уже окружены были очарованием и поэзия их вызывала у нас подражание. Крылов понял необходимость перемены программы журнала для успеха в публике и решился попытаться писать в этом направлении. Соединившись с Клушиным, одним из лучших критиков того времени, он стал издавать журнал «Зритель». «Зритель» печатался уже в собственной типографии Крылова, приобретенной им от Рахманинова. Во введении к журналу Крылов говорит между прочим: «Не подумает ли кто, что здесь стихов не будет? Боже сохрани! Без стихов ежемесячник, как пища без питья, или как чай без сахара. Угостит ли тот хозяин гостей, который представит им обед, хотя бы преизобильный и превкусный, но без всяких напитков? Без стихов нельзя!»

В последних словах слышится ирония в устах Крылова, но как бы то ни было, он решился на все, лишь бы угодить публике и добиться успеха. Все можно сделать при сильном желании — таков был его девиз. В самом деле он стал писать и печатать стихи собственного изделия в духе Державина и даже врага своего, Карамзина, проникнутые сентиментальностью. Конечно эти опыты были неудачны. С другой стороны, сатира его в «Зрителе» стала менее интересна, чем была она в «Почте Духов». Время было уже для сатиры неудобное, да и отсутствие Рахманинова и Радищева сказывалось невыгодно в выборе материала. «Зритель» не имел успеха; но Крылов твердо верил в свою волю, и новой попыткой его был журнал «С.-Петербургский Меркурий», появившийся в 1793 году.

Эта новая попытка была и последней. Крылов убедился, что «плетью обуха не перешибешь», а тратить силы напрасно было не в его характер. В Карамзине он видел личного врага. Упорный и настойчивый, Крылов готов был сломить препятствие, если невозможно обойти, но переварить его он не мог. Его цельная натура и железная воля не допускали компромиссов. На Карамзина обрушилась теперь та ненависть, которую, питал он прежде к Соймонову. Впоследствии он сошелся с Карамзиным в одном кругу в Петербурге, и консерватизм связал их отношения, но это было тогда, когда Крылов уже перешел в зрелый возраст, когда установилось в нем его эпическое равновесие и равнодушие к мелочам жизни.

В «Меркурии» он осмеял Карамзина. Здесь же, кроме злой сатиры, не поскупился Крылов на личные выходки дурного тона, но в этом «похвальном слове Ермалафиду» много правды,

комизма и тонкой иронии. Нельзя не заметить, что Крылов был прав, предсказывая забвение произведениям Карамзина и его журналу. Все это со временем потеряло всякий интерес, кроме исторического. Напротив, в сатире Крылова так много ума, лукавой карикатуры, тонкого остроумия, столько иронии, что и теперь она читается с удовольствием и интересом. Естественно, что молодому автору было досадно не иметь успеха, тем более, что его трезвой натуре казалось комичным и неестественным сентиментальное чувство, вошедшее в моду в литературе с Карамзиным. Это чувство вызвало идеализацию народа. «Какая свежесть в воздухе!» писал Карамзин. «Уже стада рассыпаются вокруг холмов; уже блистают косы на лугах зеленых; поющий жаворонок вьется над трудящимся поселянином и нежная Лавиния приготовляет завтрак своему Палемону» — и т. д. В действительности же Лавиния и Палемон были крепостные люди… Каково было это в глазах Крылова! — Не так понимал он народность, он, которому суждено было еще стать на многие века первым народным русским поэтом. Впрочем в свое время и Крылов не вполне избегнул сентиментализма. Припомним басню «Осел и Соловей», в которой видно влияние легкой поэзии Лафонтена:

…«Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
И только иногда, внимая соловью пастушке улыбался».

Эти строки напоминают больше картинку Ватто, чем русскую природу и жизнь.

Кроме журнала, в типографии Крылова печатались издания переводных романов.

В 1796 году вышел указ императора Павла, упразднивший все типографии, кроме казенных. Последним изданием типографии Крылова был роман в 13 частях «Приключения Шевалье де Фоблаза, сочинение Лувета де Кувре», перевод с французского.

С этого времени Крылов долго ведет кочующую жизнь. Имя его исчезает в литературе, и сам он живет то в деревне у кого-либо из вельмож, то в столице, то пропадает совершенно из виду.

В 1790 году вслед за прекращением «Почты Духов» Крылов оставил службу в Кабинете и уехал из Петербурга. В это время в Брянском уезде познакомился он с молодой девушкой — Анной Алексеевной Константиновой. Он старается понравиться ветреной девушке, но сознает, что с его наружностью это трудно, и склонность его к карикатуре и подсмеиванью выражается в подтрунивании над самим собой:

«Нередко милым быть желая,
Я перед зеркалом верчусь,
И женский вкус к ужимкам зная,
Ужимкам ловким их учусь.
Лицом различны строю маски,
Кривляю носик, губки, глазки,
И испугавшись сам себя
Ворчу, что вялая природа
Не доработала меня
И так пустила, как урода».

В то время в моде была любовь платоническая, но Крылов был к ней неспособен. Впрочем одно время девушка поводимому выказывала расположение выйти за него.

Ради неё он делает долги и разные безрассудства, словом находится в периоде болезни, которою должен переболеть всякий, как ребенок корью. Она любит наряды. Он находит, что ей они не нужны — так она хороша, но оправдывается перед ней в том, что воюет с модами. Впрочем Аннушка его — хороша, он с восхищением говорит о её красоте и скромности, но не идеализирует ее.

Жизнь в столице, заботы, дела и развлечения помогают ему забыть Аннушку. Правда, он, жалуется на свою слабость:

«Задумал целый век я свой
Против страстей стоять горой.
Кто ж мог мне быть тогда опасен,
Ужель дитя в пятнадцать лет?
Конечно. Вот каков здесь свет.»

Но Крылов сам ошибался. Эта страсть не была для него опасна, как и всякая другая. В самом увлечении его мало чувства, как и в стихах поэтому мало лиризма.

Он может, по собственному признанью, любоваться ею «без ощущения в сердце муки».

«Влюбился б смертно — я не камень»

говорит он после первой встречи,

«Но рок судил — любовный пламень К иной красавице питать».

Кто эта красавица, видно из следующих строк в «Послании к другу»:

> «Мне чин один лишь лестен был,
> Который я ношу в природе,
> Чин человека: в нем лишь быть
> Я ставил должностью, забавой;
> Его достойно сохранить
> Считал одной неложной славой».

Этот «чин человека» заключался для него в его призвании. Недаром он так горячо ссорился с теми, кто задевал в нем это призвание или был препятствием на его пути. Он горячо любил литературу, медленно, но упорно отыскивал свой путь и впоследствии, имея на своих плечах 60 лет, вернулся к определению этой «неложной славы» и увековечил свой взгляд в басне «Богач и поэт». «Едва одет, едва обут», поэт жалуется Юпитеру на богача, который «весь в золоте и спесью весь раздут», тогда как у него, говорит он:

> «Ни ложки, ни угла — и все мое именье в одном воображенье».

«А это разве ничего», отвечает ему судья-Зевс, «что в поздний век твоей достигнут лиры звуки… не сам ли славу ты в удел себе избрал?»

* * *

Страсти Крылова были хотя несложны, но так же широки, как его лень. Закрытие типографий и вообще все время царствования Павла неудобно было для литературного движения; Крылов поневоле давал исход своим силам в кое-каких порывах, особенно в карточной игре. Чаще всего Крылов в это время живет в доме князя Голицына, в его имении, в селе Казацком. По временам он исчезает и оттуда. Ему надоедает бездействие и он ищет развлечений. Тогда появляется он где-нибудь на ярмарке. Как в детстве любил он кулачные бои, так и теперь привлекает его этот ничем не стесняемый в то время ярмарочный разгул. Сюда съезжаются богатые помещики и в одну минуту спускают в ва-

банк оброки, а иногда в придачу и самые души. Иной спускает дом и последнюю утварь, нередко тарантас, в котором приехал, с лошадьми и кучером, со всем скарбом до погребца с ромом включительно.

Несмотря на ум и развитее Крылов, как любитель сильных ощущений, хорошо себя чувствовал в этой сфере. Здесь поправлял он свои дела, счастливо играя в карты.

Остроумный собеседник и забавный шутник, он бывал в деревне душою общества. Часто проводил он здесь время в полном бездействии, но в его уме и тогда неустанно совершалась работа. Однажды князь, зайдя в его комнату, нашел его лежащим на диване, в полном бездействии и в таком виде, что Крылов сконфузился и должен был оправдываться. Этот анекдот говорить о лени Крылова; но несомненно также, что в это время ум его переваривал плоды наблюдений. Особенно должен был он бездействовать после своих разъездов и порывов. Тогда в тишине укладывалось все накопленное в его уме и принимало своеобразную форму. Немало работал он в это время и над языком, иначе не мог бы вдруг заговорить с тем мастерством, какое видим мы в первых же его баснях. Имя его уже было известно. В 1794 году ему удалось наконец увидеть на сцене свою комедию «Сочинитель в прихожей», но он уже сознавал, что сцена — не для него, и этот успех не побудил его к новым трудам в том же роде. В это время он уже начинал сознавать тот путь, но которому суждено было ему идти. Когда он привез в Москву свои первые басни — перевод из Лафонтена, и Дмитриев сказал ему: «наконец вы нашли ваш истинный путь», эти пророческие слова лишь выразили то, что уже несомненно было в сознании Крылова. Во всяком случае это была цель, к которой вел его гений.

Мысли и образы зрели в это время в его душе, облекаясь в фантастические и вместе реальные формы, быть может благодаря природе, с которою он сблизился сознательно только лишь теперь, во время своего бездействия в доме князя Голицына. А ум и воля, опыт и зрелый возраст установили равновесие в его характере. Медленно перерождался Крылов, но зато действительно как бы родился вновь. С этой поры личность его становится анекдотичной, и как талант его принял новую форму, так в он сам как бы отлился в форму баснописца.

Раздражение, вызванное у Крылова неудачами на драматическом поприще и неуспехом изданий, могло улечься отчасти на приволье деревенской жизни и природы, отчасти забыться в увлечении страстей. Он чувствовал в себе силы богатыря, и его дух незримо работал. Теперь не только исчезло раздражение, но и определился его путь. Уже в журнале «Почта

Духов» видно сознание важности сатиры и искание формы. Она должна быть *краткой,* в этом главная её ценность. Он говорит, что должно награждать писателя, который в *краткой* форме дает поучения людям. Это вполне отвечает тем анонимным попыткам, которые он делал уже тогда в журнале «Утренние Часы». Если он не подписывал имени, то конечно потому, что сознавал несовершенство формы, особенно сравнивая эти басни свои с баснями славного тогда Дмитриева. Очевидна связь этого искания формы басни с детскими попытками в том же роде, о которых говорит предание устами Лобанова. Стремясь в письмах гномов к более тонкой отделке, он в то же время продолжал втихомолку работать над басней. Краткость формы делает ее трудной. Уже выступив с басней открыто, он заново переделывает первый свой опыт «Дуб и Трость» еще во всех изданиях от 1806 до 1830 года. Начав почти с пасквиля, он все больше и больше маскирует свою сатиру, стремясь к иносказательности. В «Почте Духов» рядом с лицами, списанными с натуры, стоят уже типы, в которых автор художественно воплотил известные черты характера, мотивы и движения.

В предисловии к «Зрителю» Крылов рекомендует публике видеть в издателе «Зрителя» «не одно и не несколько лиц, а просто зрителя, который, наблюдая жизнь, выбирает то то, то другое, *не касаясь личности,* но описывая порок и добродетель». Так стремится Крылов освободиться в сатире от собственной личности, от своего я, но это ему еще не удается. Личные волнения увлекают его на прежний путь, например в сатире против Карамзина. Только тогда, когда, пережив страсти и волнения, вступает он в период полного равновесия умственных и душевных сил, сатира его становится вполне объективной. Лишь тогда создает он свой фантастически-реальный мир и свою форму, в которую укладывается этот мир. В этом процессе созревания его гения особенно интересен упомянутый период бездействия. Как плод, снятый с дерева незрелым, дозревает процессом брожения внутренних соков, так и в натуре Крылова в это время бродят страсти и волнения, и наконец улегаются постепенно в стройном порядке.

Глава IV
Крылов — баснописец

Кочевая жизнь. — Рига. — Карты. — Петербург. — Положение Крылова в обществ. — Жизнь в столице. — Война и патриотизм. — Комедии Крылова. — «Кукла». — Успех «Модной лавки». — Дом Оленина. — «Илья-богатырь». — Первые басни. — Слава. — Друзья. — Дмитревский. — А. Н. Оленин. — Князь Шаховской. — Эпиграмма Хвостова. — Месть Крылова. — Сдержанность. — Осторожность Крылова. — Литературные вечера. — «Драматический Вестник». — Терпимость Крылова. — Художественное значение его басен. — Развитие Крылова. — Ум и сердце. — «Листы и корни». — «Колос». — Смех Крылова.

Крылов продолжает вести кочевую жизнь, то уединяясь в деревне, то забываясь среди развлечений столицы. Говорят, что в Риге выиграл он в карты большую сумму, тысяч тридцать, которую однако опять проиграл. Игру продолжает он и в Петербурге; однажды он впутался в какую-то шайку шулеров и по приказанию генерал-губернатора едва не был выслан из столицы. Державин, известный своей прямотой и честностью, также подвергался обвинениям подобного рода — до такой степени увлекала тогда многих игра.

Однако вся последующая жизнь Крылова говорить о том, что он силою воли и ума вышел чистым из всех этих увлечений и страстей. Да и в то время уже, несмотря на некоторые недостатки, Крылов пользовался уважением и любовью многих.

Литератор уже с известным именем, молодой человек умевший образовать в себе несколько талантов, за которые так любят в свете, драматически писатель, вошедший в дружеские отношения с первыми артистами театра, журналиста, с которым были в связи современные литераторы — Крылов не мог почти заметить, как ускользал от него год за годом посреди развлечений столицы. Он участвовал в приятельских концертах первых тогдашних музыкантов, прекрасно играя на скрипке. Живописцы искали его общества, как человека с отличным вкусом. В дополнение пособий по литературе Крылов выучился по-итальянски и свободно читал книги на этом языке. Ему не было уже чуждо и высшее общество столицы, где в то время так радушно принимались люди с дарованиями. Жизнь в Петербурге текла в это время весело и разнообразно. Недаром в день воцарения Александра I на улицах города встречные обнимались и целовались, поздравляя друг друга. Столица ожила. Вернулись литература и искусство. Особая комиссия изыскивала способы устройства и украшения города, а Гваренги и другие архитекторы строили дворцы, каналы, мосты и т. п. Салонам придавали особое

оживление французы-эмигранты и постоянные споры и толки о Наполеоне и событиях войны. Последняя вызывала сильный подъем патриотического духа. В театре нередко собирались в ложах некоторых знатных лиц узнавать вести с поля битвы и забывали о спектакле. На сцене имели успех все произведения, намекавшие на текущие события, особенно все, что относилось к величию Александра I. Вместе с модами вернулась и сатира на них. Крылов написал две комедии: «Урок дочкам» и «Модная Лавка». Последняя имела особенно большой успех. В одной сцене комедии помещица хочет видеть хозяйку модной лавки, мадам Каре. Девушка Маша говорит, что пойдет ей доложить.

> Сумбурова. Уж и доложить, жизнь моя! ведь это только у знатных.
>
> Маша. И, сударыня, тот уже знатен, до кого многим нужда.

До француженки-модистки всем была нужда и не в одной лишь России. «Приехала ли кукла?» вот вопрос, волновавший всю Европу. «Каждую неделю из улицы Сент-Оноре в Париже отправлялась кукла, одетая по последней моде, принятой в Тюильри. Она должна была просвещать дам в Лондоне, Вене и Петербурге на счет того, как следовало чесаться, обуваться и душиться, чтобы не отстать от моды. Она проникала, говорят, даже в гарем турецкого султана, где приводила в восхищенье султанш и всех других более или менее законных его жен. У этой знаменитой куклы, над которой трудилось пятьдесят рабочих рук и двадцать различных искусств, все заслуживало внимания, начиная от рубашки и кончая веером, от пряжек на башмаках до локонов на голове». В день взятия Бастилии кукла впервые была задержана. Вскоре она стала появляться неаккуратно. Париж не утратил первенства вкуса, но республиканцы относились к кукле как к аристократке. Теперь, в начале нового века, негодование Европы против Наполеона опять обратилось на всю Францию: Европа по-прежнему покорно принимала парижские моды, но воины коалиции задерживали куклу, точно нового троянского коня, как эмиссарку революционных идей.

* * *

В Петербурге даже в высшем свете возникли салоны, задавшиеся целью бороться с французским влиянием из ненависти к Наполеону, врагу России. Салоны эти прекрасно изображены в романе Толстого «Война и Мир». На литературных

вечерах у Державина, Оленина, князя Шаховского также энергично велась война с этим влиянием. Крылов принадлежал всей душой к этому кругу, был связан самыми дружескими узами со всеми членами его, и по просьбе и внушению этих друзей взялся за перо, написав упомянутую уже комедию «Модная Лавка». «Во время представления её партер был всегда полон и хохот не умолкал», словом успех был огромный, но не надолго. Комедию скоро забыли, как только прошел воинственный задор. Князь Шаховской заведывал репертуаром театра. Он не любил переводных комедий и чтобы уничтожить совсем любимую тогда легкую венскую онеру «Русалку», которую уже и без того впрочем переделали в «Днепровскую Русалку», он упросил Крылова написать новую оперу. Крылов в самом деле написал оперу «Илья-Богатырь», которую поставили с необыкновенно роскошной обстановкой. Подъем патриотического духа создал успех и этому слабому произведению. Во всяком случае Крылов был и остался главным выразителем вражды к подражанию и заимствованиям.

* * *

В 1809 году в первый раз вышли отдельным, изданием 23 басни Крылова, кончая баснею «Петух и Жемчужное зерно». Никогда еще ни одна книжка на Руси не имела такого успеха. Всюду проникали его басни, одинаково вызывая восторг и в богатых чертогах вельмож, и в самом бедном закоулке, и среди заброшенных на чужбину воинов.

С той же минуты стали по этой книжке учиться грамоте дети, а иногда и взрослые. Вместе с грамотой стали учиться по ней и чести, и правде. Как ветер заносит летучие семена в трещину скалы, и на бесплодном камне вырастает прекрасный куст, так эти басни, попадая в темное царство лжи, невежества и порока, давали новые, свежие ростки в сердцах людей.

Много светлых минут принесли они с собой, и с каждой новой басней отголоски свежего, звучного смеха стали будить темное, непробудное царство. Слава Крылова началась уже раньше выхода книжки.

В конце 1805 года Крылов сознал уже свои силы в этом роде литературы и в Москве, как мы сказали выше, передал славному тогда поэту И. И. Дмитриеву свой первый перевод из Лафонтена. «Это истинный ваш род», сказал тот ему: «наконец вы нашли его».

Таким образом Крылов убедился, что инстинкт и разум не обманули его. Но если еще могли быть в нем сомнения, то успех первых же басен их устранил. Несмотря на то, что больше года

осторожный Крылов берет еще сюжеты у Лафонтена, свежесть его таланта, сила и оригинальность в передаче и мастерстве рассказа таковы, что ореол славы сразу окружат его имя в столице. Крылов становится центром и душою того круга людей, где ему прежде покровительствовали, как талантливому человеку. Его ищут везде. Авторы пьес ищут его одобрения; иногда они недовольны его появлением в театре — его оригинальная фигура и некрасивое лицо отвлекают внимание зрителей от сцены. Его появления ждут с нетерпением на литературных вечерах, и вопрос: «прочтет ли что-нибудь Крылов» — занимает всех и привлекает слушателей. А Крылов читает мастерски, да не всегда его можно упросить. Ласкаемый и любимый всеми — простыми и знатными, предмет особых попечений женщин — хозяек дома, это уже не тот Крылов, какого видели раньше. Тяжелый на подъем, но незлобивый и добродушный, он всегда одинаково остроумен и ласков. Цельность натуры и мощь таланта соединились в гармоническом покое. Улеглось брожение сил, стихли волнения молодости, и его личность, характер житейских отношений тесно слились с его эпическим талантом.

Престарелый Дмитревский, когда-то жестоко поразивший надежды юноши-Крылова, теперь радостно приветствует его успехи. Разница в 32 года исчезает совершенно. «Крылов приходил к нему, как в дом своего родственника. За сытным обедом, всегда состоявшим из одних чисто русских блюд, в халатах (если не было посторонних), они по своему роскошничали, и после стола оба любили, по обычаю предков, порядочно выспаться».

Крылову все друзья: и старые, и молодые. Первые ценят в нем особенно мудрость, последние — очарование гения-художника. Он — *Оленист,* т. е. принадлежит к тому кругу, что собирается в доме Оленина. Оленин бюрократ, занимающий видное общественное положение с различными должностями, считается центром петербургских патриотов. Дом его становится центром, главным образом благодаря чисто русскому радушию его жены, Елизаветы Марковны. Крылова называет она ласкательным именем «Крылышко», заставляя этим смеяться Крылова, который сам не прочь подтрунить над своей увесистой фигурой. Он умеет отомстить и теперь неосторожному врагу или насмешнику, но так, *«как только умеет мстить умный и добрый Крылов».* Как ни сдержан был Крылов, он не мог не посмеяться над знаменитым в своем роде графом Д. И. Хвостовым, бездарным стихокропателем, беспощадно мучившим публику чтением вслух своих произведений. Этот Хвостов писал и басни, и даже упрекал Крылова в заимствовании у него, Хвостова. Крылов посмеялся над

ним. Хвостов сочинил грубую эпиграмму:

Небритый и нечесаный,
Взвалившись на диване,
Как будто неотесанный
Какой-нибудь чурбан, Л
ежит совсем разбросанный
Зоил Крылов Иван:
Объелся он иль пьян?

Не смея выдать свое имя, Хвостов распускал эти стихи с видом сожаления, что находятся люди, которые язвят таланты вздорными эпиграммами. Но его выдавало уже слово «зоил». Сдержанный Крылов никогда не порицал, скорее, напротив, хвалил все или молчал, как будто соглашаясь. Если Хвостов вызвал его эпиграмму или сатирическое замечание, то только потому, что был смешон со своим непременным желанием быть поэтом во что бы то ни стало. Крылов угадал автора, эпиграммы и сказал: «в какую хочешь нарядись кожу, мой милый, а ушка не спрячешь»; под предлогом желания прослушать какие-то новые стихи графа Хвостова, он успел обмануть доверчивого в этой слабости графа, напросился к нему на обед и ел за троих. «Когда же после обеда Амфитрион, пригласив гостя в кабинет, начал читать свои стихи, он без церемонии повалился на диван, заснул и проспал до позднего вечера». Эпиграммами в то время не обижались. И они, в подражание французам вошли в моду. Крепостное право давало возможность жить весело и привольно, а о неудобствах этого порядка никто пока не думал. В гостиных горячо спорили о разных вопросах, но без гнева, только «для сварения желудка». Некоторые славились остротами и экспромтами. Один из главных членов патриотического кружка Оленина и Шишкова — А. С. Хвостов, особенно был знаменит в этом роде. Когда генерал Львов, любитель сильных ощущений, решился подняться с Гарнеренем на воздушном шаре, А. Хвостов сказал ему экспромт:

Генерал Львов
Летит до облаков
Просить богов
Об уплате долгов.

На что тот, не задумываясь, отвечал:

Хвосты есть у лисиц, хвосты есть у волков,
Хвосты есть у кнутов.
«Берегись Хвостов!»

Всю остроту своего языка сохранил Крылов для своей басни, все больше уходя в себя в жизни. Самые крупные таланты дорожили теперь его мнением. Озеров давал ему одному из первых читать свои произведения. Крылов все хвалил. Как ни был сдержан Дмитревский, он не молчал, но зато умел сказать. Когда он говорил с автором какой-нибудь новой пьесы, люди, хорошо знавшие его, вертелись на стуле от сдержанного смеха. Когда Державин заметил о некоторых недостатках «Дмитрия Донского» Озерова, трагедии, имевшей необыкновенный успех, так как все слова в ней относились к современным событиям, к Александру и французам, — «да, конечно», отвечал Дмитревский: «иное и неверно, да как быть! Можно бы сказать много кой-чего о содержании трагедии, но впрочем надо благодарить Бога, что у нас есть авторы, работающие безвозмездно для театра. *Обстоятельства не те, чтобы критиковать такую патриотическую пьесу.* Таких людей, как Озеров, надо приохочивать и превозносить, а то неравно, Бог с ним, обидится и перестанет, писать. Нет, уж лучше предоставим критику времени: оно возьмет свое, а теперь не станем огорчать такого достойного человека безвременными замечаниями». Крылов молчал, но конечно думал также.

* * *

Одинаковые вкусы и симпатии связывали Крылова дружбою не только с семьей Оленина, но и с князем Шаховским. Крылов поселился в том же доме Гунаропуло у Синего моста, на углу Большой Морской. Квартиры их были рядом. Ни чтение па литературном вечере, ни чаепитие не начиналось раньше, чем придет Крылов. «Теперь все на лицо, Катенька», говорил князь, «как бы чаю». — «Ивана Андреевича еще нет», отвечала она и посылала сказать Крылову, что чай готов. Являясь, он всегда находил не занятым свое кресло в углу, возле печи. «Спасибо, умница, что место мое не занято», говорил он Екатерине Ивановне: «тут потеплее». Если читали новую пьесу и неумеренно хвалили автора, Крылов никогда не возражал, и лишь иногда улыбался или переглядывался с кем-нибудь поумнее из общества. «За что же, не боясь греха, кукушка хвалит петуха? За то, что

хвалит он кукушку». Так сказал он в басне своей, много лет спустя. Впрочем Шаховской, которого, как начальника репертуарной части, забрасывали произведениями, сам раз ответил на советь топить этими пьесами свою холодную квартиру, что у него стало бы еще холоднее, так мало в них жизни и огня. «Совсем бы заморозило».

«А ты не слыхал», говорит князь Шаховской графу Пушкину, «что Крылов написал новую басню, да и притаился, злодей!» С этим словом он вскакивает с дивана и кланяется в пояс Крылову. Князь Шаховской толст и неуклюж, но проворен. Вся фигура его очень оригинальна, но всего оригинальнее нос и маленькие живые глаза, которые он беспрестанно прищуривает; говорит он скоро и пришепетывает.

«Батюшка, Иван Андреич», просит он: «будьте милостивы до нас бедных, расскажите нам одну из тех сказочек, которые вы умеете так хорошо рассказывать». Крылов смеется, «а когда смеется Крылов, так это не даром, должно быть смешно». Слушающие басню в первый раз уже знают ее наизусть. Обыкновенно умоляют его прочесть снова. Иногда — ко всеобщему восторгу — у него есть басенки две-три, иногда напротив нельзя упросить его читать. Читает он обыкновенно под конец литературного вечера, вознаграждая таким образом всех за скуку. Его приберегают к концу еще и потому, что после него никто не может решиться читать. Здесь, на вечере у Шаховского, прочел Крылов в мае 1807 года свою первую оригинальную басню «Ларчик», потом — «Оракул». Конечно и раньше не было бы недостатка у Крылова в оригинальном сюжете, но осторожный автор, сознавая, на какой великий путь вступает он, и имея соперника в знаменитом и популярном тогда баснописце Дмитриеве, счел более осмотрительным начать с подражания ему и Лафонтену. Но как скоро превзошел он его! «Ларчик» — первая оригинальная басня Крылова; она почти не потерпела изменений, тогда как первую переводную басню «Дуб и Трость» он переделывал 11 раз, все приближаясь к оригиналу. Напротив «Разборчивая невеста» написана им свободно и поэтому очень мало потребовала переделки. Также и впоследствии все басни, сюжеты которых взяты им у Лафонтена или Эзопа, обработаны так свободно, в духе русской народности и языка, что под его пером стали вполне оригинальны и мастерством рассказа часто превосходить даже Лафонтена. Такова, например, басня «Муха и Дорожные», где так прекрасен колорит русской жизни и природы:

«Гуторя слуги вздор, плетутся вслед шажком,
Учитель с барыней шушукают тишком,

Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен,
Ушёл с служанкой в бор искать грибов на ужин».

* * *

Литературные вечера не были однако особенно веселы, особенно для человека с умом и вкусом Крылова. Только дружеские связи заставляли его являться, а ужины выкупали несколько обязанность скучать. Ужина многие, как и он, ждали с нетерпением, и жаловаться в этом отношении обыкновенно никто не мог. Крылов говорил, что перестанет ужинать лишь в тот день, когда перестанет и обедать. Ему старались угодить русскими тяжелыми блюдами, и утомить его количеством их было невозможно. Враг иноземцев, он не был врагом иноземных устриц, истребляя их зараз хотя не более 100 штук, но и не менее 80.

Раннею весною любимейшим местом гулянья всего Петербурга были, как и теперь, Невский проспект да еще Адмиралтейский бульвар. Но и Биржа становилась тогда клубом целого города; открытие навигации и прибытие первого иностранного корабля составляли эпоху в жизни петербуржца. В лавках, за накрытыми столиками прельщались гастрономическими устрицами, привезенными известным в то время голландским рыбаком на маленьком ботике, в сообществе одного юнги и большой собаки. Тут же коренастый голландец, в чистом фартуке, быстро вскрывал их обломком ножа. Крылов отдавал честь устрицам, как гастроном, и в то же время оставался наблюдателем. Из маленьких окошечек трехмачтового корабля выглядывали хорошенькие розовые личики — немок, швейцарок, англичанок, француженок, приехавших на должности в барские дома. Тут же выгружались английские буцефалы, и их окружали знатоки. Набережная и лавки превращались в импровизированные рощи померанцевых и лимонных деревьев, пальм, фиг, вишен в цвету и т. д. Были тут и птицы заморские, и другие редкости. На Неве по воскресным дням бывали еще кулачные бои. Крылов любил развлечения и зрелища всякого рода. После обеда, под вечер, гулял он в Летнем саду, слушая музыку. Еще в Екатерининское время давались здесь празднества для народа, и гуляющих привлекала роговая музыка придворных егерей в великолепных мундирах, тогда зеленых, а теперь красных с золотым позументом, и в трехугольных черных шляпах с белыми плюмажами. В увеселительных садах Крылов охотно

смотрел пантомимы, потешные огни и представления «мастеров физических искусств», и т. п. Одна только часть Петербурга была еще в запустении — невские острова, остававшиеся необитаемыми. Сообщения между ними, т. е. мостов, не было. «Густая зелень сих островов меня восхищала», говорит современник: «зелень берегов отражалась в зеркале Невы. Само глубокое молчание, которое царило вокруг и было прерываемо только шумом весел, имело что-то величественное. Изредка попадались ялики, нагруженные купеческой семьей и самоваром». Нева еще не успела одеться в свой гранить, но и это совершилось на глазах «дедушки» Крылова, в его долгий век.

* * *

Князь Шаховской своим происхождением с одной стороны, службой и любовью к сцене с другой — связывает два мира: вельмож и знатных лиц с кругом литераторов. Но и литературные друзья его часто занимают видное положение: Оленин, Державин, Шишков и др. — все люди с высоким положением и связями. На литературных вечерах, происходивших по очереди у них, а также у сенатора Захарова, общество бывает такое, что вечер часто больше походит на раут у дипломата. В самом деле, здесь толкуют о войне, — иногда присутствует сам главнокомандующий Каменский, тоже любитель литературы, — или о мерах внутренней политики. Споры о Наполеоне и Европе кончаются иногда заявлением Шишкова, что император знает во всяком случае, что делать. Либеральными мерами Александра и его дружбой с Наполеоном после Тильзитского мира здесь недовольны, тем более, что это сближение отражается опять-таки в заимствованиях, которых эти люди так не любят. Это настроение неудовольствия против перемен отразилось в баснях Крылова: «Огородник и Философ», «Парнас», «Синица», «Воспитание Льва» и других. Литературные вечера были прелюдией знаменитого концерта «Беседы любителей русского слова», общества, более известного под названием просто «Беседы». Раньше чем сложилось общество, выразителем мнений этого кружка служил «Драматический Вестник».

Издателем его был князь Шаховской, но главной поддержкой — Крылов. Подписчиков было не много, но, благодаря басням, которые помещал здесь Иван Андреич, номера его переходили из рук в руки и попадали иногда в самые далекие углы провинции. Орган этот боролся с новым направлением в литературе и на сцене — со школой Карамзина, с европеизмом. Из всего кружка

шишковцев и оленистов, один Державин понимал достоинства Карамзина. Крылов несомненно чувствовал крайности узкого патриотизма Шишкова в языке и слоге и говорил о его «руководстве», что читать его должно, но руководиться им не следует; однако патриархальность его натуры, воспитание, которого корни были в почве прошлого века, пробелы в его образовании и полное незнакомство с Европой, делали его врагом всего иноземного, при всей его гуманности и любви к просвещению. Приятельские связи с Олениным и его друзьями утвердили в нем взгляды и убеждения, выразителем которых он остался навсегда. От всех других членов дружеского кружка отличался он однако трезвым умом и талантом. То и другое спасло его от нетерпимости к чужому мнению. Никогда не воздвигал он гонения на что бы то ни было новое, свежее. Он подмечал лишь смешную, комичную сторону явления и подсмеивался над этим в баснях. Правда, и это было несвоевременно, когда новое, свежее и без того с трудом пробивало себе путь, но, благодаря иносказательной форме, Крылов оставил много ценного даже в тех баснях, за которые — одни обвиняли его, а другие неудачно защищали. Все оправдание Крылова в том, что, благодаря художественному таланту, басни эти хороши, а понимать их и толковать мы можем теперь помимо той морали, какая навязывалась им тогда, хотя бы даже самим автором. Гениальный баснописец и сатирик, он не мог быть и не был общественным писателем уже потому, что не стоял по развитию впереди своего века, а также потому, что обладал мудростью, трезвым умом и талантом сатирика, но не настроением и чувством. Когда написал он комедию «Урок Дочкам» и «Модную Лавку», его хвалили за «совершенное отсутствие самого автора» в пьесе. Конечно, присутствия автора не должно быть заметно, но пульс его должен слышаться в пьесе, чего Крылов никогда не проявлял.

Его отношение к брату и к семье Оленина показывает однако, что он был великодушен, добр и привязчив. Его все любили. «Он желал всем счастья и добра, но в нем не было горячих порывов доставить их своему ближнему» — так говорят о нем те, кто понимал его хороню, кто знал его мысли, благородные побуждения и поступки. В нем было равновесие ума и сердца. Однако трезвый ум преобладал, благодаря может быть физическим качествам, и он жил по расчету рассудка: «физическая ли тяжесть, крепость ли нервов, любовь к покою, лень или беспечность, только Крылова не так легко было подвинуть на одолжение или на помощь ближнему». «Крылов всячески отклонялся от соучастия в судьбе того или другого

лица». Этот расчет холодного, трезвого ума внес он и в свои басни.

Его покоя не смущал крепостной гнет, не смотря на его гуманность. В басне «Листы и Корни» он выразил трезвое убеждение лишь в важном значении производящего класса, в басне «Колос» он как бы отвечает тем, кто находит это недостаточным, и дополняет значение басни «Листы и Корни» тою мыслью, что всякое состояние имеет свои права и требования. Все недостатки Крылова, как представителя патриархального прошлого, значительно выкупаются его терпимостью. Под сенью этого дуба расцветало новое поколение, и знаменитые слова Грибоедова –

> «А судьи кто?.. За древностию лет,
> К свободной жизни их вражда непримирима»

не коснулись старого уже тогда Крылова. Напротив, он был одним из первых, сочувственно внимавших молодому поэту, когда последней читал свою, еще не напечатанную, комедию в небольшом кругу избранных.

Не даром так часто тонкая улыбка являлась на губах Крылова в архаических беседах членов «Беседы». Крылов не был впереди своего времени и не понимал многих новых явлений, что отразилось в некоторых его баснях, но это не мешало ему будить своим смехом спящее царство…

Глава V
1812–1826 г.

Беседа любителей русской словесности. — «Демьянова уха». — «Огородник и Философ». — «Гуси». — «Осел и Соловей». — «Квартет». — Архаизм «Беседы». — Публичная библиотека. — «Щука и Кот». — Пенсия. — Д. С. Хвостов. — Эпиграмма на Шишкова. — Эпиграмма на критику Руслана. — «Водолазы». — Батюшков. — Вандалы. — Попытки освобождения от французского влияния. — Путаница идей. — Вольтер. — «Сочинитель и Разбойник». — Елизавета Марковна. — «Свое кресло». — Пожалование перстня. — Критика басен Крылова. — «Любопытный». — Басня Анюте. — Извещение при издании басен 1819 года. — Перерыв деятельности Крылова до 1825 г. — Греческий язык. — Перевод из Одиссеи. — Эзоп. — Ответ Крылова. — Воробей в гостях у Крылова. — Купанье. — Гнедич. — Беспечность Крылова. — Лев Андреич Крылов. — Переписка. — В кабинете у Жуковского. — Рукопись в Публичной библиотеке.

В 1811 году начались заседания «Беседы любителей русского слова» в доме Державина, на Фонтанке — в огромном доме с колоннами, в два света. Литературные вечера у Державина, Шишкова, Оленина, Шаховского и др. были подготовкой к образованию «Беседы». Самым талантливым из всех членов «Беседы» был конечно Державин, но *был* уже давно. Даже тот, кто еще недавно смотрел на него с благоговением, не мог уже без смущения слушать стихов старика, в присутствии автора. Скучны были эти собрания невообразимо. Уже и прежде на литературных вечерах, несмотря на их многолюдность и разнообразие публики, многие старались ускользнуть тайком от невозможно-длинных чтений. Два года спустя, Крылов в собрании «Беседы» прочел свою «Демьянову Уху». Невтерпеж стало умному Крылову, да и знал он, что здесь, в этом собрании, где напыщенные члены все были столь высокого о себе мнения, не представлялось опасности кого-нибудь обидеть. А если где уж очень смешно,

«Там Петр кивает на Ивана,
Иван кивает на Петра».

Дело было так. Крылов приехал в собрание поздно. Читали очень длинную пьесу; он уселся в свое кресло. «Иван Андреич, что — привезли?» спросил у него через стол Хвостов. — «Привез». — «Пожалуйте мне». — «А вот ужо после». Крылов не торопится. Наконец пьеса кончена. Иван Андреевич вытаскивает из кармана своего широкого сюртука помятый листок, и знаменитая «Уха» на столе.

В первом собрании «Беседы», 14 марта 1811 года, прочел он басню «Огородник и Философ». Это была одна из тех

несвоевременных басен, в которых выразилась натура Крылова, его неприязнь к европейским заимствованиям. Конечно, в этой басне он осмеивает «недоученного» философа, но попытки к нововведениям были еще так редки, были таким нежным ранним цветком, что его следовало охранять, обходиться с ним бережно. Осмеиванье было тем более опасно, что глупцы и невежды понимали по своему подобные басни и глумились над всяким стремлением к новому, свежему, ко всякой перемене в старине, в затхлом быту крепостного права. Басня эта, как и другие в подобном роде, получают, впрочем, более правильное значение по отношению к некоторым современным им явлениям.

С другой стороны, на Крылова опирались авторы книжек вроде: «Плуг и соха» с эпиграфом: «Отцы наши не глупее нас были» и т. п., совсем не в духе какого бы то ни было просвещения. Там же прочитана была Крыловым басня «Осел и Соловей», в которой под соловьем, говорят, разумел он себя. Думали, что критика осла есть мнение князя Вяземского, который считал И. М. Дмитриева выше Крылова. Это — возможно. Князь, в самом деле, долго и упорно не хотел понять величия нашего баснописца, оставаясь верным поэту, который «ввел в наши салоны легкую французскую поэзию». Есть анекдот также об одном вельможе (гр. Разумовском или князе А. Н. Голицыне), пригласившем Крылова к себе — прочесть две-три басни. В числе последних, мастерски прочтенных Крыловым, была одна из Лафонтена. — «Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Дмитриев?» благосклонно спросил будто бы глубокомысленный вельможа. Крылов отвечал: «не умею», и написал свою басню. Это похоже на нашего хитрого дедушку. Но та же басня могла относиться и к другому случаю.

Кого думал задеть Крылов в своем затейливом квартете: четырех ли вельмож, которых не знали, как рассадить в четырех отделах государственного совета, или четыре отделения «Беседы», основанной с хитроумными затеями, на манер казенного учреждения — с 4 разрядами, в которых не было нужды, и 4 «попечителями»? Если послушать разноголосицу членов «Беседы» — очень похож на них квартет. В заседаниях её читались стихи на случай избрания в адмиралы кого-нибудь из друзей Шишкова или в министры — другого приятеля, читались с пафосом трагедии и с умилением стихи к «Трубочке» или к «Пеночке», причем спорили, можно ли в легком стихе к птичке сказать «драгая» вместо «дорогая» и «крыло» вместо «крылья». Решали так, что можно простить автору слово «драгая», но никак нельзя сказать «крыло», потому что одним крылом птица на воздухе держаться не может. Иван Андреич насмешливо улыбался во время этих споров, или дремал. Стихи:

«Деревня малая, отчизна дорогая,
Когда я возвращусь под кров счастливый твой?»

вызывали замечание, что *милый* можно сказать только о женщине, о друге, а *«кровом»* нельзя назвать деревню, потому что она состоит из многих кровов, и т. п.

7-го января 1812 года Иван Андреевич был определен помощником библиотекаря в учрежденную тогда Императорскую Публичную Библиотеку. Директором её назначен был А. Н. Оленин, друг и покровитель Крылова; под его же начальством служил И. А. уже несколько лет при Монетном дворе. Служба в библиотеке вполне подходила к характеру Крылова — ленивому и беспечному. Тароватый на выдумки, он завел здесь особые футляры для летучих изданий, но делал сам немного. Благодаря трудолюбию и знанию библиотекаря Сопикова, ему и нечего было делать. Четыре года спустя Сопиков вышел в отставку, и Крылов занял его квартиру, в среднем этаже здания библиотеки, на углу к Невскому проспекту; здесь прожил он почти тридцать лет до своей отставки. Заняв место Сопикова, он получил в помощники барона Дельвига, не менее ленивого и беспечного поэта. Прошли было красные дни для Крылова. Но Дельвига сменил потом другой. Крылов впрочем не особенно мучил свою совесть упреками. Двадцать пять лет спустя он сказал своему помощнику: «А я, ной милый, ленив ужасно… Да что, мой милый, говорить! И французы знают, что я ленив». Он показал ему отношение Оленина от 1812 года с предложением составлять особые критические замечания для каталогов. «Каков же я молодец», говорил он. «Да и Алексей Николаевич не принуждал меня… Другое дело, если бы потребовал… А то ну… вы постараетесь за меня, мой милый»… В том же году назначена ему была сверх жалованья пенсия из Кабинета Государя в 1,500 р. К этому времени относится целый ряд его басен, вызванный отечественной войной и неприязнью к Франции.

Поводом к басне «Щука и Кот» была неудача адмирала Чичагова, возбудившая в публике сильное негодование. В современной карикатуре Кутузов скачет на коне и тянет один конец сети, в которую должен попасть Наполеон, а на другом её конце — Чичагов, сидящий на якоре, восклицает: «Je le sauve!» и Наполеон в виде зайца проскальзывает за его спиной. В другой карикатуре, говорят, дело было изображено так: Кутузов с усилием затягивает мешок, а Чичагов с другого конца перочинным ножом разрезывает этот мешок и выпускает из него маленьких французских солдат.

Всегда тяжелый на подъем, Крылов остается однако не менее забавным и шутливым. На торжественном молебне в Казанском соборе, по случаю отъезда Государя к театру войны, Крылов встретил графа Д. Хвостова. «Ну что, граф», спросил он его: «не напишете ли оды? Вы конечно пришли сюда за вдохновением?» Граф обиделся. — «Почему же я именно должен писать?» спросил он: «вы также пишете стихи и, *как говорят,* очень хорошие». «Мои стихи», отвечал Крылов: «ничтожные басни, а вы парите высоко, вы лирик!» Крылов никогда не переставал осмеивать высокопарные оды, а в ответ на обвинение в том, что он один не славит Александра, написал свою басню «Чиж и Еж», которая так оригинально выделялась в ряду напыщенных стихов своею простотой и пережила все шумные выражения восторгов.

Ему приписывают эпиграмму на Шишкова, который во время войны назначен был государственным секретарем, ради его патриотического духа и стиля. Государь пожаловал ему на дорогу придворную карету. На прощальном обеде у А. С. Хвостова хозяину подали пакет, — в нем находились следующие стихи:

«Шишков, оставил днесь Беседы светлый дом,
Ты едешь в дальний путь в карете под орлом.
Наш добрый царь, тебе вручая важно дело,
Старается твое беречь, покоить тело;
Лишь это надобно, о теле только речь,
Неколебимый дух умеешь сам беречь».

Иван Крылов

Хозяин сказал: «не диво то, что наш Крылов умно сказал, а диво, что он сам стихи переписал». Крылов всячески открещивался от литературного «подкидыша», как он сам называл эти стихи, но они остались за ним. Крылов не любил ссориться и умел ладить со всеми. Не смотря на дружеские связи с членами «Беседы», он сразу не менее дружески и с честью принят был в круг молодых писателей, собравшихся в это время в Петербурге. Сюда перебрались из Москвы Жуковский и Карамзин и соединились с Батюшковым, Гнедичем, Блудовым и др. Когда критика встретила бранью «Руслана и Людмилу» юного Пушкина, Крылов написал эпиграмму:

«Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка».

* * *

И молодежь причислила его к своим. Он не был конечно членом дружеского «Арзамаса»: это не подходило ни к его связям с кругом Оленина, ни к его возрасту, хотя по затейливости и остроумию мог бы он играть там значительную роль.

В годовщину празднования открытия Публичной Библиотеки прочел он басню «Водолазы», ради этого случая написанную на даче у Оленина. Последний писал об этой басне: «Иван Андреич знает, с каким удовольствием прекрасный его труд был уже принят *в кругу его приятелей и знакомых*…» Эта басня решает вопрос «о пользе истинного просвещения и пагубных следствиях суемудрия».

Говорят, Тургенев на горячие хвалы таланту Крылова сказал смеясь: «Увидим, что скажет потомство». Последнее слишком много говорило о басне «Водолазы», путаясь в неудачной защите её. Один Стоюнин прямо и просто, не мудрствуя лукаво, определил её значение. «Здесь высказывается странный взгляд на науку», замечает Стоюнин, «в которой баснописец хочет видеть какую-то гибельную глубину, забывая, что наука развивает только истину, а она несет лишь добро и свет людям».

Но во времена Крылова «кидали в один мешок Наполеона и Монтескье, французскую армию и французские книги». Французское влияние было однако так сильно, что ему покорялись сами враги. Батюшков, бывший под стенами Парижа и потом в самом Париже с победоносною русской армией, клеймит французов именем вандалов, но, пожив в Париже, с восторгом пишет об Академии и даже о народе: «После посещения Лувра», говорить он, «как от беседы мудрого мужа и милой, умной женщины лучшим возвращаешься». Конечно, это не похоже на впечатления тех, что возвращались из-за границы, «изрыв весь задний двор» и не увидав ничего хорошего. На том же празднике, в день открытия Библиотеки, читал речь Гнедич и тоже громил французский язык — «язык врагов наших, который русские должны забыть», говорил он. «Ah, que c'est beau» («прекрасно»), заметил кто-то из публики соседу, а этот отвечал: «Oui, mais ce n'est pa possible» (да, прекрасно, но это невозможно). У самого Гнедича в этом яростном гневе против языка сказалась лишь одна его театральность. «Путаница идей не знала пределов». Неумеренное поклонение сменилось столь же неумеренной враждой. В ослеплении гневом просвещенные люди разбивали

драгоценный сосуд, который едва успели прибрести. Письмо Батюшкова к Гнедичу говорит ясно об этой путанице понятий: «Ужасные поступки *вандалов* в Москве расстроили мою маленькую философию и поссорили меня с человечеством». Но Крылова, собственно, путаница эта не коснулась. Напротив, сила убеждения и цельность натуры сказались в самых его ошибках. Если и он смешивал армию, революцию и философов, то это было следствием отчасти пробелов в его образовании и развитии, отчасти же патриархальности его натуры. Впрочем сами французы, в особенности эмигранты, приписывали революцию Вольтеру. Многие из них говорили: «это все негодяи-философы наделали». Удивительно ли, что в прибавлениях к «Русскому Инвалиду» появлялись такого рода афиши:

> «Хвала Богу! Победа. Да здравствует император! Пламенник революции угасает».

Таким образом связывали гибель Наполеона, бывшего в то время законным императором французов, с гибелью давно уже забытой революции.

Академик Грот и многие другие старались оправдать Крылова в том, что он написал в 1817 году басню «Сочинитель и Разбойник», в которой «посадил в ад Вольтера». Но лучше всех определил значение этой басни Гоголь, отрицая отношение её к Вольтеру. «В ней Крылов укоряет писателя, избравшего развратное и злое направление», говорит он: — в этом смысле, конечно, басня не может относиться к философу и ученому, а только к писателю, торгующему своим талантом и умом; к тому, кто ради своекорыстного расчета сеет в обществе вражду и взаимную неприязнь к тем «разбойникам пера», кого бичевал покойный наш сатирик, тоже воспитанный на баснях Крылова. В ушах этих людей вечно пусть раздаются слова:

> «Смотри на злые все дела
> И на несчастия, которых ты виною».

Крылова упрекали за строгий суд над собратом-писателем. Скорее здесь, в этой басне, сказались те же добродушие и терпимость Крылова. Он предоставляет наказание высшему суду, что не зависит от мнения и волн человека. Этот суд не страшен тому, кто чист душою, тогда как наш суд и наказание не всегда справедливы, в особенности там, где не сходятся в убеждениях.

* * *

Живя в своей квартире, в Публичной Библиотеке, Крылов мало-помалу совершенно обленился. Большею частью проводил он время на диване, оставляя его лишь для выездов на обеды к Оленину, графу Строганову, или в английский клуб. В клубе после обеда он играл в карты, или смотрел игру на биллиарде и держал пари за игроков. Поздно ночью возвращался в свою холостую квартиру, и только с летами стал ложиться в постель все раньше и раньше. В доме Олениных добрейшая из женщин, Елизавета Марковна, кормила на убой своего «Крылочку», а после обеда он засыпал в своём кресле. «Свое кресло» было у него, кажется, везде, где он только бывал. Так спокойно ему жилось. Если что причиняло еще ему иногда беспокойство, так это — его слава, требуя от него иногда писем или визитов в ответь на хвалы и просьбы. После выхода в свет издания басен 1816 года, посыпались на его голову почести, хвалы и награды… От императрицы Елизаветы Алексеевны получил он бриллиантовый перстень; различные учения и воспитательные учреждения присылали ему дипломы и выбирали почетным членом. Вельможи приглашали на маскарады и обеды.

Критика давно признала его заслуги. Первый оценил его Жуковский еще в 1809 году. Десять лет спустя, по поводу издания басен, в котором было много опечаток, рецензент «Сына Отечества» писал уже, что «недостаток этот очень неприятен в книге, *которая должна быть и будет классическою*». Его уже не только называли «русским Лафонтеном», но признавали в нем оригинальные достоинства, ставящие его в некоторых отношениях выше всех других славных баснописцев: качества эти — трезвая мудрость и тонкое остроумие, живая связь лукавой иронии и серьезной мысли, мастерство рассказа, простота и наконец та печать народности, которая дает нам право называть его нашим, русским поэтом.

Слава не ослепляла Крылова. Он оставался по прежнему прост и добродушен. Умел он однако и добродушно отомстить, если случалось кому задеть его самолюбие. Так, появились стихи, в которых говорилось, что три знаменитых баснописца все были Иваны. Под этими тремя поэт разумел Лафонтена, Хемницера и Дмитриева. Как ни скромен был Крылов, он не мог не сознавать, насколько выше его басни, которые тогда уже называли «неувядаемыми цветами поэзии», и написал басню «Любопытный». Басня была его орудием, которым он и мстил, и награждал. Иногда дарил он их детям. Так, басню «Ягненок» написал он для Анюты, младшей дочери Оленина; другую басню

он подарил племяннику Оленина. Наконец, баснею «Василек» неуклюжий, увесистый Крылов с изысканной грацией выразил, как увидим, благодарность самой императрице.

Изленился ли в самом деле Крылов настолько, что думал перестать писать, или, что вероятнее, хитрый и осторожный мудрец хотел избавиться от назойливых льстецов, от приглашений читать па вечерах, только к изданию басен в 1819 году он прибавил извещение, что этим изданием хочет заключить свою деятельность. Только в 1825 году стал появляться снова ряд его басен в «Северных Цветах» барона Дельвига, и эти «цветы» оказались тогда в самом деле «неувядаемыми». Казалось, И. А. погрузился совершенно в бездействие; но насколько оно было лишь видимое, доказывает то, что в это именно время изучал он греческий язык — самостоятельно, без посторонней помощи. Не останавливаясь даже пред трудностью в его лета читать стереотипные издания, он надевал для этого очки. Сохраняя тайну — под предлогом беспорядка в комнате — он не пускал к себе даже соседа и ближайшего приятеля, Гнедича, который впрочем из-за двери хвалил пробудившуюся совесть И. А. относительно опрятности. Весь эпизод прекрасно передан Плетневым. Гнедич, страстный классик, готов был думать, что найдет себе в Крылове помощника по переводу Гомера, и уговорил И. А. заняться этим. Крылов перевел отрывок Одиссеи, но скоро сознался, что гекзаметр ему не дается. Зато часто находили его с Эзопом в руках, и на вопрос любопытного, что делает И. А., он отвечал: «учусь». После того появляются в его баснях темы, взятые у этого учителя, который, впрочем, сам не отказался бы поучиться у нашего Крылова. Прошли года; Крылов забыл греков и самого Эзопа. Один отрывок Электры уцелел от разрушительной руки времени. Этот отрывок сохранил Лобанов.

Крылов достиг цели всех своих заветных стремлений. Покой увенчал его труды и слава увенчала его покой:

> «За ветрами со всех сторон
> Не движась, я смотрю на суету мирскую
> И философствую сквозь сон». *(Пруд и Река)*.

Казалось бы, и дарование Крылова должно было заглохнуть, как он сам предсказал это тому, кем «овладеет лень». Однако еще многие годы его талант не ослабевал. В самой глубокой старости он еще дарит свет своими баснями. Погружаясь все более в видимую беспечность, Крылов продолжал наблюдать, думать и все также тщательно работать над отделкой басни. В этом разгадка неисчерпаемой свежести его таланта. Чем больше

уходил Крылов от внешнего мира, тем богаче, разнообразнее и глубже становился его собственный, им созданный мир. В тишине кабинета или гостиной наполнялась его жизнь живым действием воображения. Тогда оживали бездушные предметы, получая дар слова так же как птицы и звери; инстинкты, пороки и добродетели воспринимали плоть и кровь; новый мир возникал пред баснописцем и укладывался по воле его на лоскутках бумаги.

Пернатые особенно платили И. А. взаимностью за его любовь к этому миру. «Сидя на диване против открытого окна, он забавлялся наблюдением смышлёности движений и приемов воробья. Воробей, готовый уже, растопырив крылья, вспорхнуть на окно, где насыпан был корм, и довериться ласковому хозяину, приостановился при моем приходе», рассказывает посетитель. «Посмотрите», сказал Иван Андреевич «как он осторожен! Это старый мой приятель; он прилетает ко мне пообедать, но всегда с крайней осмотрительностью, а теперь уж его не скоро заманишь».

Осторожный и осмотрительный, он бывал однако очень рассеян в мелочах; иногда клал в карман что попадало под руку, и случалось, за обедом в гостях, вытаскивал вместо носового платка то чепчик, то чулок. Друзья подшучивали над ним. Хотел он благодарить кого-нибудь за присылку сочинений — ему указывали совсем другое лицо; тот конфузился, Крылов извинялся и так проделывал иногда по нескольку раз.

Как желудком своим, так мог он гордиться и здоровьем вообще. Живя в доме Рибаса, где ныне дворец принца Ольденбургского, он ходил купаться в канале, омывающем с этой стороны Летний сад. Купался весь сентябрь и октябрь; наконец в ноябре, когда вода покрывалась льдом, он, скачком проламывая лед, продолжал купаться до сильных морозов.

* * *

До 1841 г. не переменил Крылов ни службы, ни занятий, ни даже квартиры. Не переменил он и друзей, но только многих пережил.

Одна и та же лестница, мимо Крылова, вела наверх в квартиру Гнедича. Удобство сообщения, холостая жизнь обоих, любовь к литературе и одинаковые отношения к дому Олениных тесно связывали поэтов, хотя во многом велика была разница в их личности. «Умом своим всегда сосредоточенным и дальновидным», говорит Плетнев: «сердцем опытным и охлажденным, характером беспечным и скрытным, жизнью

недеятельною и неопрятной, приемами простыми и чуждыми светскости — Крылов представлял совершенную противуположность Гнедичу, который до многого додумывался медленно и не всегда верно, увлекался добрым и доверчивым чувством, любил во всем порядок и щеголеватость, старался выказать знатока общественных приличий и часто поддавался влечению самолюбия». «Он не заботился ни о чистоте, ни о порядке. Прислуга состояла из наемной женщины с девочкой, её дочерью. Никому в доме и на мысль не приходило сметать пыль с мебели и других вещей. Из трех чистых комнат, выходивших окнами на улицу, средняя составляла залу, боковая, влево от неё, оставалась без употребления, а последняя — угольная, к Невскому проспекту, служила обыкновенным местопребыванием хозяину. Здесь, за перегородкой, стояла кровать его, а в светлой половине он сиживал перед столиком на диване. У него не было ни кабинета, ни письменного стола. Приходивших к нему он дружески просил всегда садиться, на что не без затруднения можно было согласиться опрятно одетому гостю. Крылов беспрестанно курил сигары, с мундштуком. предохраняя глаза от жару и дыма. При разговоре сигара ежеминутно гасла. Он звонил. Девочка, проходя из кухни через залу, иногда с песенкой, приносила тоненькую восковую свечу без подсвечника, накапывала воску на стол и ставила огонь перед неприхотливым своим господином. Форточка в зале почти всегда была открыта. Крылов, набрасывая зерен, привадил к себе голубей с Гостиного двора, и они привыкли быть у него как на улице. Столы, этажерки, вещи, на них стоявшие, и все кругом носило на себе следы пребывания этих ежедневных гостей баснописца. Утром он вставал довольно поздно. Часто приятели находили его в постели часу в десятом. Один из них, товарищ его по Академии, привез ему с вечера в подарок богато переплетенный экземпляр Фенелонова Телемака. Это было еще в 1812 году. Едучи по утру к должности, полюбопытствовал он спросить у Крылова, понравился ли ему перевод, которым поэт наш и хотел было, ложась спать, позаняться, но так неосторожно держал перед сном в руках книгу, что она сползла с кровати под столик. Переводчик, заглянув за перегородку, где Крылов еще спал, и увидев, куда попала золотообрезная книга его, тихонько убрался назад. чтобы Крылов и не узнал о его посещении».

Так, за сигарой, с романом, иногда в разговорах с приятелями, Крылов проводил время до того часу, в котором надо было отправляться обедать в английский клуб. Продремав там довольно времени после обеда, иногда заезжал он к Оленину, иногда возвращался домой.

* * *

«Никогда не замечали в нем каких-либо душевных томлений; он всегда был спокоен». Но взамен горячих порывов он проявлял иногда глубокую привязанность. «Елизавета Марковна», говорил он Олениной: — «когда наступит мой час, я приду умереть к вам, сюда, к вашим ногам». Никогда не забывал он и своего единственного брата, с которым виделся последний раз около 1806 г.; больше не суждено им было увидаться до могилы.

Лев Андреевич служил в гвардии в Петербурге, когда Крылов издавал журнал «Зритель». Перейдя потом в армию, он тянул лямку на юге. Иван Андреич постоянно поддерживал его деньгами. Как только положение его упрочилось службой в библиотеке и пенсией, он стал подумывать о том, чтобы перевести брата в Петербург. Мечты эти не исполнились, но он не переставал принимать живое участие в судьбе брата. Несмотря на небольшую разницу в летах, брат называет Ивана Андреича не иначе как «любезный тятенька», «милый батюшка», «братец Иван Андреич». Единственное, в чем брат его постоянно упрекает, это — что он подолгу не отвечает на письма. Не может преодолеть Иван Андреич своей лени; он посылает брату деньги, экземпляры изданий, даже списки басен и копии с докладов Оленина Государю о награждении его, но писем не пишет. Также неохотно исполняет поручения, требующие каких-нибудь хлопот, хотя очевидно опять-таки из лени, а не по недостатку доброты. Брат Лев пишет ему о какой-то Марфушке: «Я право полагал, что она давно на воле, а она, бедная, терпела *через твою беспечность*. Однако ж теперь я очень рад и благодарю тебя, что ты за все претерпение ее наградил». Из этих слов ясно выступают черты характера Крылова — доброта и лень, которые часто спорят в нем, как ветер и солнце в сказке. Ленясь писать брату, Иван Андреич так интересуется им, что требует описания мельчайших подробностей его быта. Последний не отказывает в этом. Талант в музыке — очевидно родовое достояние Крыловых, как и охота к чтению. Брат Крылова тоже играет на скрипке и очень любит читать. Кроме своих басен И. А. пользуется всегда случаем посылать ему и другие книги. С тех пор как Крылов начинает писать басни, брат становится таким же горячим поклонником его таланта, как и вся публика. Он человек простой. Несколько раз был он в походах за границей, но кроме подробного военного маршрута не вывез оттуда никаких впечатлений.

Тем интереснее его отзыв о баснях. Больше всех, пишет он, понравилась ему басня «Сочинитель и Разбойник». «В жизни ничего лучшего не читывал», замечает он. — «Беспримерные твои

басни я пробежал и могу сказать, что не даром ты ими прославился, да и Государь Император удостоил их назвать приятными и полезными… Я никогда не сомневался, чтобы ты не употребил свои божественные дарования в пользу общего блага, и нахожу, что нет ничего достойнее благородной души, как советами и самыми легкими доказательствами отвращать от порока и привлекать к добродетели». Он говорит здесь, прилично случаю, несколько высокопарно, но смысл отвечает всеобщему убеждению. Так думал и такое значение придавал сатире и в особенности басне сам И. А., как мы видели выше. Он в восторге от почестей брата, но в одном письме замечает: «Только жалею очень, любезный тятенька, что твоя муза такая сонливая и ленивая». Это относится уже к 1821 году.

В это время Крылов получает из Кабинета уже добавочную пенсию, а всего до 3,000 руб. ас, кроме жалованья. В 1820 г. награжден он орденом Владимира 4 степени. Басни свои печатает он то в «Сыне Отечества», то в издании «Беседы». Его молодые друзья возмущаются. «Как не стыдно бросать в навоз», говорят они, когда Крылов читает свои басни в собраниях Беседы, где обыкновенно «один читает чепуху, другой говорит „изрядно“, третий хвастает, четвертый хвалит себя и Шишкова». Но Крылову было поздно менять свои привычки и друзей, да это и не мешало ни славе его, ни расположению к нему молодежи. Батюшков особенно горячо относился к И. А. «Выпроси у Крылова басню», пишет он Гнедичу в одном письме; в другом: — «поклонись от меня бессмертному Крылову, бессмертному — конечно, так!» — «Обними соседа (т. е. И. А.), но как обнять! Он, я думаю, толще всех поэтов вкупе и рассудком, и тушею».

Жуковский был также в числе лучших друзей Крылова и ценителей его гения. Ив. Андр. с удовольствием проводил время в его квартире, на вечерах, в обществе Пушкина, Батюшкова, кн. Вяземского, Гнедича, Уварова, Дашкова, Блудова и других. Здесь же бывали и Сперанский, граф С. Румянцев, а также Оленин и Карамзин. В группе людей на картине, изображающей кабинет Жуковского в его квартире, в Зимнем дворце, всех заметнее и интереснее фигура баснописца, рядом с Пушкиным. Раз, на одном из этих вечеров, Ив. Андр. стал искать чего-то в бумагах на письменном столе. «Что вам надобно, Иван Андреич?» спросили его. «Да вот какое обстоятельство», отвечал он: «хочется закурить трубку; у себя дома я рву для этого первый попавшийся под руку листок, а здесь нельзя так: ведь здесь за каждый лоскуток исписанной бумаги, если разорвешь его, отвечай перед потомством».

Так говорил скромный баснописец. Он в самом деле никогда

не дорожил лоскутками, на которых писал свои басни. После его смерти находили в корзинах и на чердаке измятые и изорванные черновые его басен, доставившие однако богатый материал для истории его творчества.

В Императорской Публичной Библиотеке хранятся разрозненные листки, сколотые булавкой, вырванные по-видимому из тетради. На особом листе рукою Гнедича сделана заметка: «Экземпляр басен, сколотый булавкой, который Иван Андр. в таком виде имел с собой, когда читал Императрице Марии Федоровне в Зимнем дворце в 1813 году, будучи вместе со мной». Обыкновенно писал он на лоскутках и держал в кармане помятые листки.

Глава VI
Покой и слава

Переводы басен. — Иностранная критика о Крылове. — Брошюра Я. Н. Толстого. — Болезнь. — «Василек». — Семья А. Н. Оленина. — «Три поцелуя». «Крестьянин и змея». — Письма брата. — Поездка в Ревель. — Смерть брата. — Горесть И. А. Крылова. — Пособие на издание басен в 1824 г. — «Конь и всадник». — Письмо к дочери Оленина. — «Муха и пчела». — Сборы за границу. — Домашние затеи. — Голуби в гостиной. — Анекдот об известности Крылова. — Находчивость его. — Император Николай дарит бюст Крылова наследнику престола. — Шутка «фавориточки». — Маскарад в Зимнем дворце. — «Вельможа». — Юбилей. — Смерть Е. М. Оленина. — Отставка. — Жизнь Крылова на Васильевском Острове. — Эпиграмма Воейкова. — Творчество в басне. — «Бедный богач». — Значение сатиры Крылова. — Речь митрополита Макария. — Прихожанин. — «Сочинитель и Разбойник», — «Гребень». — Смерть Крылова. — Памятник. — Эпиграф в «Звёздочке».

С 20-х годов начали появляться иностранные переводы басен Крылова. Невнимательный к своим биографам, Крылов иначе относился к переводчикам, помогая и разъясняя им многое сам. Переводы бывали иногда удачны, хотя чаще представляли неодолимые затруднения. Для передачи нескольких строк Крылова приходилось часто измышлять десятки стихов. Простота и оригинальная меткость чисто русского ума и языка не укладывались в чужие формы. «Совокупилось пятьдесят семь талантов, чтобы одолеть один» — в прекрасном издании графа Орлова, который, живя в Италии и Париже, заинтересовал этими баснями корифеев итальянской и французской поэзии. «Вандалы» первые ознакомились с Крыловым и оценили его гений. Французские критики простили Крылову даже неприязнь к французскому влиянию, уяснив себе, что неприязнь эта относилась лишь к нелепым заимствованиям. Они справедливо не могли простить ему лишь того, что он «посадил в ад» знаменитого философа, в басне «Сочинитель и Разбойник».

В оправдание Крылова от этого обвинения соотечественник наш в Париже, Яков Николаевич Толстой, написал брошюру, в которой доказывал, что Крылов под «сочинителем» вовсе не разумел Вольтера. Однако защита была «не слишком убедительна», как говорит академик А. Ф. Бычков.

«Ни один народ не имеет баснописца, который стоял бы выше Крылова в изобретении и оригинальности», говорил Лемонте во введении к изданию гр. Орлова. Особенный успех имела басня «Гуси», переведенная несколько раз. Критик Геро ставит Крылова в некоторых случаях выше Лафонтена. Критик «Journal de Débats» говорит о здравом смысле и уме баснописца; удивляется естественности басен, изящной простоте и остроумию, глубине

мысли и художественной отделке подробностей. Сальфи, в предисловии к итальянскому переводу, признает нашего баснописца первостепенным а перевод басен его ценным приобретением для итальянской литературы. Один за другим следовали переводы басен еще при жизни Крылова на разные языки, в том числе на немецкий и на скандинавские. Потом явились переводы на еврейский, арабский и из новых языков — еще на польский и английский.

Итак, чего еще оставалось желать баснописцу в жизни? Его окружали покой, слава и любовь. К сожалению его крепкое здоровье пошатнулось — он стал страдать приливами крови к голове. При втором ударе, случившемся в 1823 году, когда покривилось его лицо, больной Крылов дотащился до дома. Олениных на Фонтанке, против Обуховской больницы, и сказал доброй Елизавете Марковне, которая заботами о нем была ему точно вторая мать: «ведь я сказал вам, что приду умереть у ног ваших; взгляните на меня». Крылов оставался в доме Олениных до выздоровления. Когда же весной Императрица Мария Федоровна переехала в Павловск, и до неё дошла весть о болезни маститого поэта, она приказала А. Н. Оленину перевезти его в Павловск, прибавив: «под моим надзором он скорее поправится». Ив. Андр. в самом деле поправился совершенно и признательность к августейшей покровительнице своей выразил в грациозной басне «Василек». Он написал ее в одном из альбомов, что разложены были на столах в «Розовом Павильоне» в Павловском парке. На заглавной картинке к этой басне, в одном из изданий, Иван Андреич сидит на камне в Павловском саду, возле бюста Императрицы, и подслушивает разговор Василька с Жуком. Крылов говорил потом своему сослуживцу: «Да, мой милый, это одно обязывает меня написать историю своей жизни». Он ее не написал однако. Он перенес под 60° широты неаполитанскую беспечность и предается той роскошной лени, которая взлелеяла гений Лафонтена и Шолье. Муза его уступает только настойчивым просьбам других. Это такой *басенник* (fablier, как бы плодовое дерево), который нужно крепко потрясти, чтобы с него упали плоды. Не даром и добродушный брат его сожалел, что муза его «сонливая и ленивая». Оправившись от болезни, Крылов еще больше привязался к семье Олениных. Дом их оставался постоянно радушным и гостеприимным. Оленин сам был большим поклонником талантов и искусств, а «еще больше кажется любил им покровительствовать», хотя ему «может быть недоставало сметливости и утонченного проницательного чувства, столь полезного в художественном деле». Он оставался одним и тем же, и его маленькую, сухощавую фигуру неизменно

видели десятки лет за письменным столом. Он был яростным врагом Франции и говорил о французах, что «нет народа, нет людей подобных этим уродам, что все их книги достойны костра», к чему не скупились прибавлять другие: «а головы их — гильотины». Последние слова принадлежали юному поэту, который однако под стенами Парижа оплакивал участь осажденного города, а войдя в него, в миг поддался очарованию этого ужасного народа, этих «вандалов», о которых писал уже с восхищением, с восторгом. Париж действовал подобно чарам Цирцеи. Его ненавидели, пока не попадали в его объятия, как в волшебный чарующий мир.

«Дому Олениных служила украшением его хозяйка. Образец женских добродетелей, нежнейшая мать, примерная жена, одаренная ясным умом и кротким правом, Елизавета Марковна оживляла и одушевляла общество в своем доме». Она была болезненна. «Часто, лежа на широком диване, окруженная посетителями, видимо мучась, умела она улыбаться гостям», чтобы не расстроить беседы. Наш увесистый «Крылышко» покоился под её крылом. Дочери её с детства привыкли к ласковому «дедушке», который иногда баловал их басенками. Однажды вечером девушки стали советоваться, как разбудить старика, дремавшего в кресле. Они решились все три поцеловать его в лоб. Ив. Андр. проснулся и, тронутый милою шуткой, написал стихотворение «Три поцелуя», которое поместил в «Северных цветах».

Особенное оживление было в доме Оленина в период отечественной войны. Оленин принимал деятельное участие в вооружении милиции и сам носил ополченский мундир с зеленым пером. Тогда и Крылов писал одну за другой свои басни и читал их в доме Оленина. Они касались то прямо событий войны, как «Ворона и Курица», «Волк на псарне», то направлены были против иноземцев вообще и французского воспитания. В басне «Крестьянин и Змея», он разумеет под змеей воспитателя-иностранца, точно так как и простые люди, особенно русские няни в барских домах, называли еще недавно «змеей» иностранца-гувернера. В это время отличался гонением на французов известный издатель «Русского Вестника» Ф. Глинка, которому автор одной сатиры устроил уголок в своем «желтом доме для литературной братии».

Нумер третий — на лежанке
Истый Глинка возседит.
Перед ним дух русский в стклянке
Неоткупорен стоит.

* * *

Не привелось увидаться Ивану Андреичу с братом, несмотря на горячее желание обоих. Он посылает ему постоянное «жалованье», басни и другие книги, на которые Лев Андреич высказывает свои наивные замечания: «Жуковский пишет, кажется, только для ученых и более занимается вздором (!), а потому слава его весьма ограничена. А также г. Гнедич — человек высокоумный, и щеголяет на поприще славы между немногими. Но как ты, любезный тятенька, пишешь это для всех: для малого и старого, для ученого и простого, и все тебя прославляют. Басни твои — это не басни, а *апостолы*»… Иван Андреич писал брату, что в Павловске бывает всегда за столом Императрицы и, участвуя в забавах, играл роль Фоки, а кн. Голицын — Демьяна. Это дало повод к забавному недоразумению. Брат понял так, что Ив. Андр. сделал из басни оперу, и просил прислать ему. Прочтя в «Инвалиде», что Ив. А. поднесли в академии золотую медаль, он просит прислать ему изображение, написать — на какой ленте, при этом ему желательно знать, кто президент и т. д. Ив. Андреич помог брату обзавестись маленьким хутором; но не долго последний им пользовался.

Оправившись вполне после своей болезни, Иван Андреич, как бы «наскуча жить Лафонтеном», вдруг совершил путешествие. Проходил он по набережной и встретил знакомого, который, собираясь ехать в Ревель, стал звать его с собою, навестить командира порта, знакомого также Крылову и известного своим хлебосольством. Иван Андреич, не долго думая, сел на корабль.

Эта поездка и её оригинальная внезапность были долго предметом разговоров. Крылов сообщил брату о событии, и последний был этим очень взволнован. «И так ты теперь, любезный тятенька, можешь назваться мореходцем» писал он ему…

Это письмо было последним. Через месяц Иван Андреич получил официальное извещение о смерти брата от сильной горячки. Последние его слова были: «Ах, любезный брат, ты не знаешь, как я болен».

Крылов написал, чтобы хутор со всем инвентарем и двумя коровами отдали денщику, а прочие вещи роздали на память.

Смерть брата сильно подействовала на Крылова, хотя они не виделись больше 17 лет. Он не изменил образа жизни, посещал клуб и дом Оленина, но сделался мрачен и молчалив. Хотя

никогда не был он разговорчив, но, говорят, бывал занимателен, если удавалось его вызвать на разговор. Никто не решался спросить его, в чем дело. Прошло недели три, пока он стал приходить в нормальное состояние. Тогда, на вопрос Е. М. «Что с вами было, Крылочко? Вы на себя не походили?» — он отвечал: «у меня был родной брат, единственное существо на свете, связанное со мной кровными узами. Недавно он умер. Теперь я остался один».

Обвинение в связи с шулерами в молодости могло положить тень на честь Крылова. Но вся жизнь его и брата свидетельствуют напротив о твердых правилах чести: «За грех и стыд почитал и почитаю, пишет ему брат в одном письме, чем-нибудь непозволительным пользоваться, через что мог бы потерять честь и доброе имя. Да и на что мне? Я, по твоей милости, нужды ни в чем не терплю».

* * *

Уже в 1814 году Крылов получил на издание басен в 3-х книгах пособие в 4,200 руб. ас. из Кабинета Его Величества. Государь сказал тогда, что готов всегда помочь Крылову, если он будет продолжать «хорошо» писать. Опираясь на это Высочайшее слово, Оленин ходатайствует теперь о пособии для нового издания, так как с тех пор Иван Андреич издал еще три книги басен па свой счет, а теперь собрал седьмую книгу из 20 новых басен. В доказательство отвращения Крылова от вольнодумства Оленин ссылается в своем докладе на негодование французского журнала по поводу басни «Сочинитель и Разбойник». По докладу этому Император Александр разрешил выдать Крылову десять тысяч рублей ас. В новом издании первою была поставлена басня «Конь и Всадник», написанная еще в 1814 г. В ней Крылов разумел французский народ и революцию. Картинка к ней исполнена была Зауэрвейтом по мысли А. Н. Оленина.

Эти басни доказали, что дух баснописца не ослабел, как не ослабела и энергия его в обработке стиха; по собственным его словам, он читал и перечитывал басню много раз, пока какое-нибудь место не переставало ему нравиться. Тогда он исправлял его. Никогда не торопился он печатать. Напротив басням своим давал он долгий отдых, держал их как лежалые сигары, как старое вино, оттого и были они хороши. Вот почему в 1819 г. он объявил, что думает закончить свое поприще. Нельзя этому верить. Скорее хотел он иметь покой от назойливых просьб и работать медленно. Так же вероятно подготовлял он и первые

свои три басни, с которыми явился к Дмитриеву. «Я автор и, сказать вам на ушко, довольно самолюбивый», говорит он в письме к дочери Оленина. Уверяя ее, что перечитывал письмо её много раз, он прибавляет шутя: «Но если бы я знал, что мои стихи перечитывают столько раз, то стал бы спесивее г. Хвостова, которого впрочем никто не читает». В упомянутом издании одна уже «Муха и Пчела» говорит о том, как легко владеет старик изящным стихом, не уступающим «легкой поэзии» Дмитриева.

Притом же, жалуя пол нежный,
Вкруг молодых красавиц вьюсь
И отдыхать у них сажусь
На щечке розовой, иль шейке белоснежной.

В басне «Богач и Поэт» маститый старик, много испытавший на своем веку, венчанный славой, но не забывший лишений и обид своей молодости, подает руку бедному поэту на тернистом пути, напоминает ему, что «в поздний век его достигнут лиры звуки». В басне «Соловьи» сочувствует бедняжке Соловью, которого

Чем пел приятней и нежней,
Тем стерегли его плотней.

В басне «Два мужика» осторожный, но умный баснописец замечает:

Для пьяного и со свечою худо,
Да вряд не хуже ль и впотьмах.

* * *

Продав очень выгодно издание, Крылов стал было собираться за границу и подговаривал к тому же Гнедича, но, оказалось, что последнему было легче убедить самого Крылова остаться дома. «В стихах, написанных по этому поводу Гнедичем, много истины, меланхолии и грации». В самом деле, как-то трудно и вообразить себе нашего Крылова в Европе. А интересно было бы знать, как отозвался бы его трезвый ум на воочию увиденную сказку.

Оставшись дома, но чувствуя потребность в какой-нибудь перемене наскучившей ему жизни, он решил изменить обстановку

и издержать деньги на убранство комнат. Явилась мебель Гамбса и картины в новых золоченых ранах; полы устланы английскими коврами. На великолепной горке красного дерева, лучшей, какая была в магазине, расставлены фарфор и другие безделушки; Крылов завел несколько дюжин полотняного и батистового белья и богатый хрусталь. Он пригласил на обед Олениных и друзей, но это был первый и последней опыт. Чрез две недели картина изменилась. Пыль и паутина снова покрывали мебель и картины, на ковре рассыпан овес, по старому пируют голуби — его приятели и гости, а он с сигарой на диване лениво тешится их аппетитом и воркованьем. При входе каждого посетителя голуби быстро поднимались с ковра и, разлетаясь по комнате, садились на бронзу и картины, а хрусталь на красной горке звенел, убавляясь с каждым днем. Еще затеял однажды Крылов устроить у себя сад. Накупил до 30 кадок с деревьями лавровыми, миртовыми, лимонными, апельсинными и украсил квартиру так, что с трудом между ними проходил. Разумеется и этот его эдем скоро завял и засох. Так проводил он годы на своем диване, принимая иногда посетителей, которые никогда его не забывали. «Что сказал Крылов?» интересовался знать каждый автор нового произведения. Его замечаниями пользовались охотнее всего молодые таланты. Глядя на него, в самом деле трудно было поверить, «чтобы в эту громадносплоченную твердыню могли проникнуть какие-нибудь страсти», кроме как ко сну и еде, разумеется. Слыша жалобы молодых людей на желудок, он говорил: «А я так бывало не давал ему потачки. Если чуть задурит, то я наемся вдвое, так он себе, как хочет, пусть разведывается». Крылов говорил, что за стол надобно так садиться, чтобы, как скрипач, свободно действовать правой рукою. Так и старался он садиться. За обедом он часто шутил. С забавным остроумием рассказывал он историю ботвиньи — через какие усовершенствования она прошла до современной формы. Кроме как для обедов избегал он выезжать. Когда на одном из заседаний покойной Российской Академии предложено было чаще собираться, Крылов согласился со всеми, но с важностью прибавил: «за исключением конечно почтовых дней», как бы забывая, что в столице почта отправлялась уже давно ежедневно. Да и забавно было в самом деле, что он оставлял за собою почтовые дни, он, который «из всех смертных наименее пользовался письменною почтою». Однако он оставил несколько писем к дочери Оленина, в которых много оригинального остроумия и добродушия.

Есть указания еще на несколько писем.

* * *

К славе своей Крылов не был нечувствителен: «Однажды летом шел он по какой-то улице, где перед домами были разведены садики. Он издали заметил, что за одною отгородкою играли дети, и с ними была дама, вероятно мать их. Прошедши это место, случайно взглянул он назад и видит, что дама берет детей поочередно на руки, поднимает их над заборчиком и глазами своими указывает на Крылова каждому из них».

Со слезами на глазах, говорят, рассказывал Ив. Анд. об этом друзьям. К этому же времени относится и анекдот, рассказанный в «Русской Старине» в 1870 году, как двое студентов встретили Крылова на улице и один из них, не зная И. А., сказал: «вот туча идет». На что Крылов, будто бы, услышав эти слова, сказал экспромтом: «и лягушки заквакали». — Тот же рассказчик повествует, что Крылова встретил на Невском Государь и сказал ему: «давненько тебя не видал», на что И. А. живший как известно в Импер. Публичной Библиотеке ответил: «а, кажись, соседи, Ваше Величество».

Иван Андреич пережил Екатерину, Павла и Императора Александра I. Десять тысяч рублей на издание басен в 1824 году была последняя милость царя. Император Николай так же благосклонно относился к баснописцу, и в 1831 г., в числе подарков своих на Новый год великому князю наследнику цесаревичу, прислал бюст Крылова. Несколько лет спустя удвоена была ему пенсия. Императрица Александра Федоровна жаловала часто Крылову букеты. Он хранил их, и засохшие цветы положены были на груди его после смерти, во время отпеванья. Крылова приглашали и на маскарады во дворце. Однажды в доме Оленина заметили, что Ив. Андр. в мрачном расположении духа. «Что с вами, дедушка?» — спросила его Варвара Алексеевна, которую он особенно любил. — «Да вот беда: надо ехать во дворец в маскарад, а не знаю, как одеться». — «А вы бы, дедушка, помылись, побрились, оделись бы чистенько, вас там никто бы и не узнал». Шутка искренно любимой «фавориточки», как называл Крылов любимицу, развеселила его, но забота осталась. По совету знаменитого Каратыгина, баснописец нарядился в костюм боярина-кравчего.

Маскарад устроен был на английский манер. Кому достался кусок пирога со спрятанным в нем бобом, тот был царем праздника. К этому-то царю Крылов, соответственно своей роли и костюму, обратился с речью.

По части кравческой, о царь, мне речь позволь,

И то, чего тебе желаю,
И то, о чем я умоляю,
Но морщась выслушать изволь.
Желаю, наш отец, тебе я аппетита,
Чтоб на день раз хоть пять та кушал бы до-сыта,
А там бы спал, да почивал,
Да снова кушать бы вставал,
Вот жить здоровая манера!
С ней к году — за то я, кравчий твой, берусь —
Ты будешь уж не боб, а будешь царь-арбуз!
Отец наш! не бери ты с тех царей примера,
Которые не лакомо едят,
За подданных не спят
И только лишь того и смотрят и глядят,
Чтоб были все у них довольны и счастливы:
Но рассуди премудро сам.
Что за житье с такой заботой пополам;
И, бедным кравчим, нам
Какой тут ждать себе наживы?
Тогда хоть брось всё наше ремесло.
Нет, не того бы мне хотелось.
Я всякий день молюсь тепло,
Чтобы тебе, отец, пилось бы лишь да елось,
А дело бы на ум не шло.

Государю понравилось это стихотворение. Тогда Крылов просил дозволения прочесть «Вельможу» — эту басню почему-то не разрешали ему печатать. Она так понравилась царю, что он обнял Крылова, поцеловал его и промолвил: «пиши, старик, пиши». Разумеется Крылов получил дозволение ее напечатать. Таким образом умел Крылов и теперь достигать цели.

Справедливо, что беспечность и празднолюбие Крылова происходили больше от равнодушия к тому, чем жизнь увлекает других, нежели от истощенья душевных его сил. Светлый ум и твердая воля сохранились в нем до последних дней.

* * *

Крылов еще имел довольно сил, чтобы пережить свой праздник — пятидесятилетний юбилей литературной деятельности, 2 февраля 1888 года. Скромный баснописец сказал друзьям, приехавшим за ним перед началом праздника: «Я не

умею сказать, как благодарен за все моим друзьям, и конечно мне еще веселее их быть сегодня вместе с ними. Боюсь только, не придумали бы вы чего лишнего: ведь я то же, что иной моряк, с которым от того только и беда не случалась, что он не хаживал далеко в море». Конечно такая скромность придавала только больше прелести празднику. Трудно описать трогательное величие этого праздника, отличавшегося необыкновенной искренностью и сердечностью. Всему придавала особый характер оригинальная личность баснописца, его скромность, простота и слава, уже так давно окружавшая его имя. Жуковский, кн. Одоевский, Плетнев, кн. Вяземский и др. приветствовали его — кто речью, кто стихами, а публика — цветами и восторженными проявлениями любви и радости. Листки из одного венка раздавал Крылов на память друзьям. Он был сильно тронут. Кроме тостов и гимна, Петров пропел положенные на музыку, стихи кн. Вяземского:

На радость полувековую
Скликает нас веселый зов.
Здесь с музой свадьбу золотую
Сегодня празднует Крылов.
На этой свадьбе все мы сватья,
И не к чему таить вину:
Все заодно все без изъятья
Мы влюблены в его жену и т. д.

После юбилея была выбита в память его медаль. Крылов получил массу писем с выражениями поклонения, любви и дружбы.

Оригинальное поздравление было в письме за подписью «Лев — за себя и прочих зверей и скотов. Орел — за себя и прочих птиц». Звери и птицы, узнав, что другие животные (т. е. люди) празднуют юбилей баснописца, благодарят Крылова за то, что на пути к бессмертию он взял с собою и их. Они обещают ему, когда получат дар слова, устроить свой праздник, на котором расскажут, как его басни исправили их нравы. Соловьи будут воспевать своего певца, а ослов (это всего труднее) заставят молчать.

Газеты и журналы не переставали долго заниматься юбилеем Крылова и им самим; но сам-то он вовсе этим не интересовался и ушел снова в свой угол, на свой диван в гостиной, где утопал в облаках дыма, выкуривая в день до 50 сигарок. В том же году, вслед за радостью, почестями и славой, он потерял лучшего друга. Умерла Е. М. Оленина. В утешение этого горя имел он

удовольствие в это время выбрать и назначить двух стипендиатов на проценты с собранной по случаю юбилея суммы около 60,000 руб. По желанию великой княгини Марии Николаевны художником Ухтомским была списана с натуры комната, где занимался Крылов, и он сам в том виде, «в каком одна только муза его видит, т. е. в шлафроке».

В 1841 г. Крылов оставил службу, с пенсией около 12,000 руб. ас. и поселился на Васильевском острове, в доме купца Блинова, по 1-й линии. Отсюда даже в Английский клуб стал он выезжать довольно редко. В следующем году он получил снова приглашение, от имени великой княгини Елены Павловны, принять участие в маскараде, в костюме русского боярина, «в кадрили знаменитых поэтов». Страстный любитель музыки, он уже после отставки, живя на острове, вышел из своего логовища послушать знаменитую Виардо-Гарцию. Собственная его скрипка давно уже висела беззвучно на стене, и струны её покрыты были густою пылью, как и все вокруг него. «Лучшие друзья его были уже в могиле. Лета, а особливо тучность отягощала его; сердце осиротело, он грустил. Посещаемый литераторами, он был однако разговорчив, ласков и всегда приятен». Патриарх русской литературы, он пережил целую плеяду молодых поэтов: гениального Пушкина и Грибоедова, Батюшкова, Лермонтова и др. Он остался один пред их могилой, сам уже усталый от жизни и славы, и прав был, кажется, поэт, сказавший в это время желчно:

Державин спит в сырой могиле,
Жуковский пишет чепуху,
И уж Крылов теперь не в силе С
варить Демьянову уху.

* * *

«Когда Прометей задумал создать человеческое существо, он взял у каждого животного преобладающую черту его характера, чтоб эти черты соединить в нашей природе». Крылов как бы задумал разрушить его работу. Он извлекает особенности нашей натуры, наши слабости и недостатки, иногда достоинства, и каждую черту превращает в живой образ. Лесть, жадность, высокомерие, предательство, скупость — все это оживает в ярких образах, вызывающих смех. Действительность и фантазия уживаются в этом мире. Мешок в углу рассуждает, и мы слышим

его ворчливый голос. Муравей тянется на возу с сеном, думая, что его видит весь свет, между тем как он «дивит только свой муравейник». Скупой умирает от истощения сил над золотом. Вот в басне «Бедный Богач» несчастный тащит один за другим червонцы из кошелька, не смея ни одного истратить, чтобы не исчезло богатство. Крылову фортуна тоже сказала:

«Вот кошелек тебе: червонец в нем не боле.
Но вынешь лишь один, уж там готов другой».

Не такова ли была природа его таланта? Но не будучи скупым, он не был и расточителен. Осторожный мудрец, он умел пользоваться своими червонцами, но не спешил таскать их без счету. В баснях его говорит всегда мудрость. Она требует во всем осторожности, но не застоя однако. Просвещенье и труд — это два его кумира. Гуманность, сочувствие слабому сопутствуют ему везде. Крылов всегда на стороне обиженного. Он преследует невежество и произвол. Взятки составляют болезнь, бывшую до нашего времени почти неизлечимою. Крыловский «пушок на рыльце» стал смущать покой многих. Его басни вечны. Это «неувядаемые цветы поэзии», хотя сам Крылов ничего не читал, «кроме *Всемирного Путешественника,* расчетной книги и календаря», как подшутил один из его друзей и горячих поклонников. Но кроме общечеловеческого, в них есть родное, русское, есть в небывалой мере. Каждая басня его — урок человечеству, урок своему народу и в то же время источник неисчерпаемого наслаждения.

В сказке покойного сатирика совесть попадает в сердце «маленького русского дитяти», и «будет маленькое дитя большим человеком, и будет в нем совесть большою совестью. И исчезнут тогда все неправды, коварства и насилья, потому что совесть будет не робкая и захочет распоряжаться всем сама». В начале этого пути стоят басни.

«Что он говорил?» спрашивает митрополит Макарий в своей речи на открытии памятника Крылову: «говорил то, что может говорить человек самого здравого смысла, практический мудрец, и в особенности мудрец русский. Братья соотечественники! договаривать ли, что еще завещал нам бессмертный баснописец? Он завещал любовь, безграничную любовь ко всему отечественному, к нашему родному слову, к нашей родной стране и ко всем началам нашей народной жизни… Итак, развивайте ваши молодые силы и способности, воспитывайте и укрепляйте их во всем прекрасном, обогащайте себя разнородными познаниями, *откуда бы они ни приходили,* старайтесь усвоить себе

все плоды общеевропейского, *общечеловеческого* образования. Но зачем? затем, помните, чтобы все это добро, вами приобретенное, принести в жертву ей, вашей родной матери — России».

Так прекрасно поясняет просвещенный митрополит завет Крылова в духе гуманности, любви, общественного согласия и терпимости. Всякий раздор, всякая неприязнь и нетерпимость не только чужды были Крылову в личной его жизни, но и осмеяны им в баснях. Слепоту литературных партий осмеял он в «Прихожанине»; развратное и злое направление, сеющее, вражду в стране — в басне «Сочинитель и Разбойник»; гибельную силу раздора — в басне «Алкид». Не следует забывать никогда и в общественной жизни его «Гребня». Увы, «теперь им чешутся наяды».

* * *

Иван Андреевич Крылов скончался в четверг, в 7 ч. 45 м. утра, 9 ноября 1844 года, 76 лет 9 месяцев 7 дней от роду.

В объявлении о подписке на памятник Крылову князь Вяземский писал: «Памятник Крылову воздвигнут будет в Петербурге. И где же ему быть, как не здесь? Не здесь родился поэт, но здесь родилась и созрела слава его. Он был собственностью столицы, которая делилась им с Россией. Не был ли он и при жизни своей живым памятником Петербурга? С ним живали и водили хлеб-соль деды нашего поколения он же забавлял и поучал детей наших. Кто из Петербургских жителей не знал его, по крайней мере с виду? Кто не имел случая любоваться этим открытым широким лицом, на котором отпечатлевалась сила мысли и отсвечивалась искра возвышенного дарования? Кто не любовался этою могучей, обросшею седыми волосами львиной головой, не даром приданною баснописцу, который также повелитель зверей; этим монументальным, богатырским дородством, напоминающим нам запамятованные времена воспетого им Ильи-богатыря? Кто, и не знакомый с ним, встретя его — не говорил: „*вот дедушка Крылов!*“ и мысленно не кланялся поэту, который был близок каждому русскому». Больше полу-века назад, при жизни самого баснописца, с его же устного рассказа, была написана г-жою Карлгоф статья о нем для детей в журнале «Звездочка». К этой статье эпиграфом служили стихи, которыми мы закончим биографию баснописца:

Какой-то чародей, как говорит преданье,
Ключ к тайне нравиться в волшебный ларчик скрыл —

Его могло открыть одно лишь дарованье;
Крылов наш просто взял — да и открыл.

Источники, послужившие основанием для биографии И. А. Крылова

1) Сборник статей, чит. в отделении русск. языка и словесности Имп. Акад. Наук, 69 г., т. VI.

2) *Л. Н. Майков* академик. Первые шаги И. А. Крылова на литературном поприще, «Р. В.», 1889 г., кн. 5-я.

3) Полное собрание сочинений И. А. Крылова с биографией П. А. Плетнева, изд. 1847 и 59 г.г.

4) Журналы: «Почта Духов» 1789 г., «Зритель» 1792 г., «Спб. Меркурий»-1793 г.

5) Примечания к басням Крылова *В. Ф. Кеневича.*

6) Статья академика *А. Ф. Бычкова* о переводах басен Крылова на иностранные языки.

7) *Князь Вяземский.* Полное собрание сочинений изд. гр. Шереметьева.

8) *Батюшков.* Письма и сочинения. Изд. Акад. Наук.

9) Басни И. А. Крылова с биографией *П. А. Плетнева*, изд. под редакцией *В. Кеневича.*

10) *Державин.* Биография, т. IX, изд. Ак. Наук.

11) *М. И. Лобанов,* академик. «Жизнь и соч. Крылова», 1847 г.

12) *Вигель.* Воспоминания.

13) *И. И. Дмитриев.* «Взгляд на мою жизнь».

14) *М. И. Дмитриев*. «Из запаса моей памяти».

15) *Жихарев.* Дневник чиновника, 0. 3. 1855-го года, кн. 4, б, 7, 8 и 9-ая.

16) *Пыпин.* Общественное движение при Александре I.

17) *Колбасин.* Литературные деятели прежнего времени.

18) «Русская Старина» и другие исторические журналы.

notes

Сноски

1

Сухомлинов. Очерки по истории просвещения.